

V. Вопросы грамматики казахского языка

К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ФОНЕТИКИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА¹

Так как казахский язык подвергается историческому изучению впервые, к тому же изучению, не особенно привычными для его прежних исследователей методами анализа языкового материала, то считаем нелишним предпослать изложению основного материала нашей темы несколько слов о тех «диких, режущих ухо» многим лингвистам, приемах, применяемых в нашем исследовании. Мы имеем в виду **палеонтологию речи**.

Дело в том, что многим кажется, будто историческое изучение языка не имеет прямого отношения к языковому строительству, будто подобное изучение преследует «чисто научную», «отдаленную» цель, будто палеонтология речи, выкапывая какие-то «доисторические» формы, не способна помочь практической работе над языком: установлению терминологии и орфографии, выработке норм литературных языков, разработке вопросов грамматики, методов преподавания языка и т.п.

Такие возражения исходят из двух разных внешне, но совершенно одинаковых по существу настроений.

Первое из них – против принципа историзма вообще, против изучения языка в движении, развитии, в динамике. Обосновывать неправоту подобных возражений было бы, конечно, излишне.

Другое настроение – не «против» истории языка, а лишь против изучения истории языка методами палеонтологии речи, т.е. за изучение этой истории при помощи исключительно письменных памятников феодального периода. Приправляются эти данные сравнением фактов из отдельных языков, входящих в одну «семью», ничуть не выходя за пределы заколдованного круга (т.н. лингвистических семей). Это – сторонники индоевропейского компаративизма. Не говоря о том, что письменные памятники не характеризуют обслуживавшихся ими языков во всей их полноте и не уходят в глубь времен, что и делает их недостаточными для восстановления картины исторического прошлого данного языка, не говоря о том, что история, основанная на письменных памятниках, не доступна языкам, не имевшим прежде письменности, каким и было огромное большинство языков СССР, в том числе и казахский.

Таким образом, такое «признание» истории языка и такое возражение против палеонтологического анализа языкового материала, кроме несостоятельности доводов, носят великодержавный характер, считает историю принадлежностью

¹ Настоящая статья представляет собой введение к циклу лекций проф. Х. К. Жубанова по истории фонетики казахского языка, читанных в КазПИ в 1933/34 учебном году. Статья была опубликована в «Трудах Казахстанского научно-исследовательского института национальной культуры» в 1935 году (кн. I). Редакция сборника сообщала, что основная часть курса будет опубликована отдельными главами в следующих сборниках. Следующий сборник вышел в 1938 году и продолжения курса, естественно, не было.

лишь культурных языков и лишают возможности исторического изучения бесписьменные языки.

Таким образом, ни одно из этих возражений против палеонтологии речи как метода исторического изучения языка не может считаться состоятельным.

Изучение языка в движении, развитии делает необходимым условием принцип историзма. Поскольку история языка не постигается одним тем, что в состоянии дать письменные памятники, то не остается иного пути, кроме использования материалов, которые поставляет нам сам живой язык, в силу своей природы представляющий собой накопление всей предшествующей истории человечества. При такой возможности использования современного языка в качестве источника исторических сведений лингвистическая палеонтология приобретает незаменимое значение как могучее орудие в руках исследователя.

Что же касается того возражения, которое отвергает пользу палеонтологии речи в практическом языковом строительстве, то оно представляет собой просто недоразумение. Последнее восходит, с одной стороны, к практиковавшемуся ранее делению наук на «чистые» и «прикладные», или, что то же самое, к отрыву теории от практики. Действительно, при всеобщем признании бесспорных теоретических достижений нового учения, хотя бы по вопросам происхождения языка, диалектики глоттогонического процесса, по вопросам связи и зависимости в основном структурных изменений языка и многих других, какая же может быть речь о беспомощности этого учения в вопросах практического языкового строительства в такой даже степени, в какой может оказать помощь схоластическая индоевропеистика?

Учение исходит из того резкого противопоставления истории языка его же современности, из т. н. деления языкознания на *linguistique diachronique* и *linguistique synchronique*, которое с легкой руки Ф. де Соссюра стало догматом для лингвистов и не изжито до сих пор. Согласно этой концепции, диахроническое или историческое языкознание, к которому относят работы Н. Я. Марра², не имеет ничего общего со статическим или синхроническим языкознанием, задача которого заключается якобы в голем описании, фотографировании фактов, без всякого осознания исторического развития.

Подобно тому, как ошибочно такое понимание отношения современности к истории, ошибочно также и признание отсутствия отношения лингвистической палеонтологии к современности. Наоборот, палеонтология речи имеет своим

² Мы имеем в виду работы Н. Я. Марра, относящиеся к периоду его научной деятельности, которые знаменуют собой новую эру в истории лингвистики. Но по чистосердечному признанию одного из самых ярких противников нового учения проф. Поливанова, «немало у Марра работ и чисто описательного характера, которых было бы вполне достаточно для оправдания звания академика» (из доклада Поливанова в Комкадемии в 1928 году).

При бесспорной ценности этих работ как материала, все же они по достоинству своему стоят несравнимо ниже, чем последующие (в чем не сомневался и сам Н. Я. Марр), так как иная, открыто индоевропейская методология не могла не отразиться и на самом результате исследований, не могла не снизить качества, не уменьшить правдивость в восприятии и воспроизведении исследуемой языковой действительности.

Поучительно, однако, когда критики типа и не типа Поливанова, оценивая столь положительно пройденные, пережитые ступени развития яфетического языкознания, переросшего затем в общее учение о языке в мировом масштабе, тем не менее всячески бранят дальнейшую, новую, высшую ступень того же самого языкознания, научной деятельности того же самого ученого. (Прим. автора).

отправным пунктом именно современные живые языки, но лишь с тем различием, что, вместо одного поверхностного констатирования наличных фактов, она анатомирует их, вникает в строение слов, рассматривает это строение исторически, т. е. в развитии, изменении, ибо целевой установкой всякого действенного учения является не только и не столько объяснение.

Чтобы сознательно подойти к изменению существующего языкового строя, необходимо быть в курсе изменений строя языков вообще, знать основные и привходящие факторы этих изменений. Чтобы выяснить законы изменения языка вообще, необходимо проследить пути развития и изменения языков в связи с изменениями в экономике и общественных отношениях. Поскольку это проследивание возможно не путем созерцания и субъективного умозаключения, а на основе анализа конкретного языкового материала конкретных языков, и поскольку таким материалом бесспорно являются отдельные слова и их организация в синтаксические группы, то, естественно, исследователь не может обойтись без исторического анализа каждого отдельного слова и цельных групп слов. Палеонтологией называется лишь такое проследивание на речевом материале путей развития языка особыми приемами, чуждыми традиционным приемам индоевропеистики, но исходящими из специфики, природы самого языка, — приемами, учитывающими исторические условия развития языка.

В самом деле, как же можно помочь языковому строительству, когда не имеешь понятия о природе материала этого строительства?

Ведь очевидно, что история изучается не как самоцель, не ради знания прошлого языка, а, наоборот, история, прошлое языка изучается для осознания современного состояния языка, для того, чтобы на основе этого осознания сознательно воздействовать на язык.

Строение элементов речи имеет не только пространственный характер, т.е. эти элементы состоят не только из разных кусков, но и временной, т. е. состоят из разных кусков, влившихся в разное время и в различных исторических условиях, а потому в измененном виде носящих черты этих разных времен и условий. Поэтому такое строение словесного материала постигается историческим изучением. Понятно, что лингвист не может и не должен отказываться от такого орудия познания строения речи, каким является палеонтология.

Таким образом, палеонтология не только не далека от практики, но, наоборот, без нее немыслима практическая помощь языковеда языковому строительству.

Освещая взятый здесь небольшой отрезок фонетической жизни казахского языка под углом палеонтологического анализа, тем самым **мы заранее должны будем расходиться с прежними исследователями турецких языков в установленных ими моментах, считавшихся незыблемыми.** К тому же вопросы исторической фонетики представляют собой одну из самых малоразработанных дисциплин в новом осмыслении, что и усугубляет трудность поставленной задачи.

Историческое изучение того или иного языка, при скудности наших знаний о закономерностях развития речи, встречается с рядом трудностей. В силу своей специфики каждый современный язык содержит в себе значительное количество архаизмов, не соответствующих образу мышления современной ему эпохи, а имеющих глубокие корни в весьма отдаленном прошлом с иными условиями

общественных отношений, а потому с иными взглядами на вещи. Таковы, например, в казахском словоупотреблении выражения **күн көру**, **күн елту** – «прожить жизнь», подлинно означающие «видеть (көру) день (күн) или солнце», «нести с собой день-солнце», «иметь при себе солнце». Отсюда «состояние» (имущественное) обозначается выражением **күн көргем**, слово в слово означающим: «то, что дает видеть солнце». Современный казах, конечно, не связывает понятия «жить» с видением «солнца» или «дня» и вовсе не думает, что он, живя на свете, несет с собой «солнце» (күн) или «день», а потому не отдает себе отчета, когда он употребляет эти выражения, что в отдельности эти слова означают «солнце», «день», «видеть», «нести», хотя в «отдельности слова эти действительно употребляются именно в указанных значениях. Употребляя подобные выражения, современный казах отвлекается от значений отдельных слов и все сочетание в целом воспринимает как отдельное слово «жить», не ассоциируя ни с «солнцем», ни с «видением», ни с «несением». Таково же казахское название «солнечного диска» (солнца в собственном смысле) – **күн-нің көзі**, буквально «глаз» (көз) «дня» (күн). К этой же категории принадлежит словоупотребление **безгег-ім ұстады** «меня лихорадит», слово в слово – «меня держит (ұстады) мой (мен) (безгек)», или же, переводя несколько ближе к духу выражения, «я одержим безгек-ом». **Безгек** – «лихорадка», а **ұста** глагол «держать». Казалось бы, с точки зрения современного мышления, для лихорадки вовсе ни при чем глагол «держать».

Действительно, для современного мышления чуждо подобное представление как «жизни», «солнца», так и «лихорадки». Но зато эти выражения имеют объяснения в мировоззрении древнейших эпох, не только в анимистической, но и космической и микрокосмической стадиях восприятия предметов окружающей среды.

Языковые явления подобного порядка нельзя объяснить одной отсталостью народа, употребляющего эти выражения в своем языке, хотя отсталость обуславливает количественно большее и качественно более «девственное» сохранение особенностей мышления отдаленных периодов общественной жизни. Русский безличный оборот **меня лихорадит** архаичен не менее, чем казахское «безгегім ұстады» т. к. безличные глаголы в самом деле личны, лицо здесь третье, но с тем лишь различием, что в этих образованиях затемнен субъект действия – тот, кто действует, в данном случае, кто **лихорадит**, «вселяет лихорадку». Действующим лицом здесь мыслились, в зависимости от стадии мышления и «тотем», и «злой дух», и «бог» и прочее³. Немецкое **es regnet**, греческое **vel** – «дойдет», хотя представляются как «дождь падает», в сущности же означают, что «дойдет» некое божество, а до анимизма – тотем. Поэтому у Гомера дважды встречается следующее выражение: «а Зевс дождил». Латинский язык имеет выражение **lue tonante** – «когда Юпитер гремел»⁴.

Даже такой реалист-историк, как Геродот, рассказывая об отношении скифов к иноземной культуре на примере случившегося со Скилой, употребляет

³ См. об этом: *Март Н.* «Язык и мышление», Л., 1930., а также: *Его же Verba impersonalia, derectiva, substantiva und auxiliaria* // И. О. Н. 1932. №6 (*Прим. автора*).

⁴ *Мейер А.* Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков // Пер. с нем. Кудрявского, Юрьев, 1913. С. 214. (*Прим. автора*).

выражение: «в этот-то дом божество метнуло огненную стрелу, так, что он весь сгорел»(IV,79).

Как видно из этих примеров, для греческого языка не «дождь пал», а «дождил отец богов Зевс», для латинского – не «гром гремел», а «гремел бог Юпитер», в словоупотреблении Геродота не «гроза ударила», а «божество метнуло огненную стрелу». Ныне эти божества перевоплощены в немецком языке в местоимение «es», в русском – в безличный оборот «меня лихорадит». Наличие глагола ұста – «держатъ» – в казахском выражении **безгегім ұстады** – «меня держит лихорадка», – объясняется тем же, чем можно было бы объяснить русское словоупотребление «о-держатъ», «о-держимый», которые образованы из той же основы держать, так как на известной ступени развития мышления больной воспринимался, как «одержимый злым духом», а «одержать победу», как «вселить беду» (бес) или сделать «одержимым духом (по) беды». Не составит исключения и казахское **күн көр-у** – «жить», буквально «видеть солнце». Оно тоже имеет свою параллель в русском «видеть свет(солнце)», «жить на свете», буквально «жить при солнце», так как свет семантически произведен от солнца.

Таким образом, архаизмы в семантике, как и в синтаксисе, морфологии и фонетике присущи не одним отсталым языкам, они есть во всех языках, даже в самых развитых. Это составляет одну из особенностей языка.

Если такая задача сама по себе нелегка, то еще более неблагоприятной становится задача исследователей отдельных конкретных языков, наталкивающихся, не только на общие закономерности развития языка вообще, и на специфические, внутренние особенности изучаемого ими лингвистического круга.

Дело в том, что каждый отдельный язык, как бы он ни казался монолитным, представляет собой накопление, состоящее из вкладов множества языков, вкладов, вложенных на разных ступенях развития каждым отдельным «пайщиком» и в различной дозе, с различным правовым положением использованных слов, поэтому они, попадая в общую племенную или национальную мельницу, перемалываясь здесь, стираются, теряют свой первоначальный лингвистический облик, все больше и больше приближаясь к господствующему, так называемому общенациональному стандарту. Трудность заключается именно в том, что стираются они не одинаково, а по-разному, смешиваются нормы, отдельные типы как-бы совпадают⁵.

⁵ Так, например, казахское слово **су** – «вода» – может и должно быть возведено к двум различным прототипам: с одной стороны, к форме **su-oj**, наличной ныне у тувинцев и появляющейся иногда у самих казахов в произношении производного от слова **so-w** глагола **suoj-ar** – «поить», «поливать», где налицо звук **oj** в конце именной основы. С ослаблением гласного в редуцированный негубной «э» данная форма налицо в глагольной основе **sə-k** «выжимать», что производно от «воды». То же слово в той же форме представлено в корне глагола **сықта** «плакать», спирантизовано **və-g-la id**, ибо «плакать», иначе «пустить слезу», некогда означало «наводнить глаза», как это до сих пор налицо в казахском выражении **boska közindi sulama** «не плачь напрасно», слово в слово «напрасно не наводни глаза». Что слово «слеза» первоначально означало «очей вода» уже доказано Н.Я.Марром на материале ряда языков и письменностей.

Впрочем, один из языков, близких к нашему, а именно чувашский, сохранил подобное наречие в совершенно нестертом виде – **kuz suby**. После этого не может быть сомнения в производности глагола **ye-g-la** и **sə-k-ta** от слова «вода» **su-oj**, **sə-oj**, **sə-k**, **yə-g**.

Таким образом, казахское слово **sə-w** должно быть возведено к форме **su-oj**, которая по выпадении **oj** была компенсирована удлинением предшествующего гласного **ubu-suoj-su-g-su**,

Трудность изучения языка объясняется тем, что эти архаизмы восходят к различным эпохам, являя собой наслоения различных периодов человеческой истории.

Прав был акад. Н. Я. Марр, говоря, что «язык отражает всю совокупность предшествующей истории человечества». Ибо «язык так же древен, как и сознание»⁶, а сознание есть «изначально исторический продукт»⁷.

Таким образом, язык представляет собой накопление всей предшествующей истории человечества, отдельные этапы которой напластовались по порядку последовательности своего развития так же, как предшествующие периоды геологического развития Земли оставили свои следы в виде последовательных отложений, пластов, легших друг на друга, чем и дают они о себе знать историкам Земли.

Однако эти трудно уловимые смены типов представляют благодарный материал для изучения генезиса самих языковых явлений. Именно то, что «наслоения различных периодов... одни ложились на другие», «отмечая собою последовательные эпохи», то, что «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплуатирует переданные ему всеми его предшественниками материалы»⁸, дает возможность по ним хотя и существенно изменившимся, судить о самих предшествовавших. Подходя именно таким образом, Энгельс видел в современных ему исторических формациях пережитки более отдаленного прошлого, когда он утверждал, что «из-за римского рода выглядывает Ирокез»⁹.

Так поступили исследователи Бахофен, Морган, Лафарг и другие, с успехом для своего времени разобравшиеся в общественных отношениях древнейших эпох, до каких не в состоянии добраться ни одна письменность.

Исходя из этой возможности, которую представляет сам живой язык, пережиточно – в снятом виде – сохраняющий следы зигзагообразно пройденного им пути, мы и постараемся проследить историческое развитие казахского языка в части фонетики, используя в качестве основного источника материалы самого казахского языка, а не письменные памятники, как принято в практике исторического изучения языка. Этим, конечно, мы не хотим вовсе умалить значения письменных памятников, но лишь подчеркиваем, что они не будут

как в алтайском и киргизском, а в таких языках, не знающих долготы гласных, как казахский, долгий гласный пришел в раздвоение **u эw-(so:-sэw)**. Весь ход преобразований в данном случае можно изобразить формулой: **suoj-su:-so:so:sэw**.

С другой стороны то же казахское слово **sэw** с таким же успехом приходит к форме **sub sup**, наличной в орхонских надписях _____ и в древнеуйгурском языке _____ ; в таком случае ход изменений **suw** должен изображаться формулой **su-p-su-b su-v - su-w sэw**.

Существование в самом казахском языке глагола **sep-seb** – «брызгать», производного от такого же слова **sub**, говорит за наличие и формы с губным согласным. И так, в оформлении казахского слова **sэw** одинаково могли участвовать и форма **suoj** и форма **sub**, поэтому нельзя отдать предпочтение какой-либо одной из них, нельзя также ограничиться констатированием чередования **oj** с губным без выяснения генезиса такого чередования, как это делалось в тюркологической практике до сих пор. И в этом следует видеть совпадение результатов эволюции двух разных форм, принявших одинаковый облик, несмотря на их различное происхождение. (Прим. автора).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. О Фейербахе // Архив, Кн.1. С. 281.

⁷ Там же

⁸ Маркс К. Письмо к Вере Засулич // Архив. Т.1. С. 281.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. О Фейербахе // Архив. Т.1. С. 225.

служить у нас отправным пунктом в объяснении происхождения тех или иных звуковых типов, форм и значений слов.

Это – **первая особенность** нашей постановки исследования истории казахского языка.

Вторым отличием нашего подхода является то, что мы берем отдельные лингвистические факты в общей их связи с остальными областями языковой жизни, выясняя связи последней с отдельными этапами развития общества, его экономики, социального строя и мировоззрения.

Дело в том, что отдельные области языковых явлений: фонетика, морфология, синтаксис, лексика и семантика не отделены друг от друга «китайской стеной», а связаны между собой и обуславливают друг друга. Изменение звукового состава слова влечет за собой изменение значения, изменяется лексический и морфологический облик слова; изменение же лексическое и морфологическое способствует фонетическому перерождению слова. Так, например, давно известное в турецких языках чередование **р-з**, наличное и в казахском в таких родственных образованиях, как **көр-көз, семір-семіз, сір-сіз**, (суффикс отрицания в словах **әлсіз-әл-сір-е, қан-сыз – қан-сыр-а**), показывает нам, что некогда наш язык, собственно известный его слой, не знал фонетического различия звуков **р-з**, хотя эти различия существовали в языке. Также мы видим из характера слов, где эти звуки чередуются, что тогда еще не были выделены в особые части речи имена и глаголы, т.е. предмет и его действие обозначались одним словом, и **көр** и **көз**, и **семір**, и **семіз** одинаково употреблялись и в значении имени («глаз», «жир»), и в значении глагола («видеть», «ожиреть»). А в дальнейшем, когда возникла потребность отличать глагол от имени, то наряду со многими другими способами словообразования язык использовал наличное, но дотоле безразличное чередование звуков **р** и **з** и, наподобие флективных языков, образующих новое слово от старого внутренним чередованием звуков основы без внешней флексии, закрепил форму с конечным **з** за именами (**көз, семіз**), а форму со звуком **р** за глаголами (**көр, семір**). Из этого следует заключить, что наличное звуковое различие, но все еще бывшее в безразличном употреблении, послужило основанием к раздвоению единого слова, тем самым к обогащению лексического запаса языка. Затем, поскольку такое лексическое обогащение создало два разных корня: именной и глагольной, оно послужило и морфологическому обогащению – вызвало к жизни новые формы слов. Далее, подобные лексические и морфологические нововведения, придав звуковым различиям **р** и **з**, прежде бывшим лишь акустическими различиями, новое фонематическое значение, тем самым способствовали появлению новой фонетической категории.

Примеры слов **көр** и **көз** показывают, как тесно связаны отдельные области лингвистических явлений и как изменение в одной области вызывает изменение в другой.

Эта взаимосвязанность отдельных сторон языковой жизни должна быть, как нам кажется, понята и находиться в центре внимания исследователя; в противном случае неизбежны отрыв части от целого и вызванное этим признание изолированного существования фонетических явлений, существования их вне языкового организма. В эту ошибку впали многие солидные языковеды, которые объясняют сугубо социально-лингвистические факты не языковыми и даже не

социальными факторами, а совершенно иными, не имеющими сюда отношения, как-то: звукоподражанием (Ашмарин – «Подражание в языках Поволжья»), благозвучием, музыкальностью (Гордлевский – «Грамматика турецкого языка»), экономией произносительной энергии (Поливанов – «Tilnin osicidə iqtisadii ojamillər»); некоторые же слишком злоупотребляют законом аналогии (Поппе – «О числительных» и другие работы).

Примером подобной безответственности над историей языка могут служить и работы такого крупнейшего исследователя, как М. Кастрен, который, описывая койбалское и карагасское возвратное местоимение **bot, bos** – «сам», объясняет историю происхождения данного местоимения от слова **bos 'lose'frei'** («пустой») ¹⁰, против чего законно возражал и вполне остроумно сближал местоимение **bos, bot** со словами **bod, boj** – «тело», «рост» А. А. Шифнер, снабдивший примечаниями работы Кастрена ¹¹, Вамбери в небезызвестном своем «*Etimologisches Wörterbuch*» происхождение слова **qыз** – «дочь», «девочка», «девушка» – ищет в словах **ыш** – «дым» и **izi** (ыссы) – «горячий», ссылаясь на выпадение начальных заднеязычных согласных, за что и заслужил справедливую критику В. Радлова ¹².

Подобные ученые карикатуры на науку объясняются тем, что фонетические изменения рассматриваются не в связи с изменениями слова (**ыш, qыз**), а изменения слова прослеживаются изолированно от истории изменения значений (**bos-bos, qыз-izi**).

Чтобы не повторить ошибок своих предшественников, мы подходим к истории фонетики как к части общей истории языка, изучаем ее во взаимной обусловленности отдельных явлений. Это и составит **вторую особенность** нашего метода исследования.

Для нас является единственно верным то положение, что звуки существуют не вне слова, а в слове: следовательно, историю отдельных конкретных видов звуков следует изучать в истории изменения отдельных конкретных слов. Это неизбежно увеличит «этимологическую дозу» в нашей работе. Поскольку слова суть не только сочетание звуков, но и носители конкретных значений, и поскольку эти значения также не стабильны, а подвергаются неоднократным изменениям, то историю слова придется проследить в связи с историей отдельных значений. А так как значения тоже развивались во времени и в пространстве, а самое главное, предметам и явлениям придавались различные значения в зависимости от миропонимания каждого отдельного периода общественного развития человечества и, соответственно этому, эти предметы и явления так или иначе нарекались, то неизбежен местами довольно далекий экскурс в историю идеологии и материальной культуры.

Все эти отдельные моменты, каждый из которых имеет свою самостоятельную историю, в то же время имели не изолированную историю. Поэтому следует их рассматривать во взаимной связи отдельных моментов и в то же время показывать собственное бытие каждого в отдельности.

¹⁰ *Castren M. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. S.22*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Radlow W. Phonetik der nordlichen Türksprachen. B. II. S.166.*

Приступая с этой оговоркой к изложению основного материала, следует отметить, что порядок последовательности изложения не соответствует исторической последовательности появления и развития затронутых фонетических категорий, а представляет до некоторой степени обратную последовательность. Это объясняется тем, что более поздние, близко стоящие к нам по времени появления категории бывают легко воспринимаемы.

ИЗ ИСТОРИИ ПОРЯДКА СЛОВ В КАЗАХСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящей брошюрой начинается издание серии моих заметок, посвященных отдельным конкретным вопросам грамматики и лексики казахского языка. Заметки содержат самый различный по тематике, между собой не связанный материал и носят общее заглавие лишь постольку, поскольку все они одинаково имеют объектом своего рассмотрения казахский язык.

Казахское языкознание лишь начинает оформляться в качестве самостоятельной науки. И, как всякая наука, оно может завершить стадию своего оформления не на базе общих абстрактных схем, а путем разработки отдельных проблем, чтобы из этих конкретных разработок складывалась наука о казахском языке. Охватить же сразу и осветить в систематическом изложении все многообразие языковой жизни целого народа, отражающей весь пройденный им зигзагообразный путь исторического развития, невозможно. Дореволюционное прошлое изучения казахского языка оставило нам весьма скудное наследие, чтобы не сказать не оставило ничего. Так что почти на всех участках нашей лингвистической работы приходится начинать с азов.

При таком положении вещей работы, направленные на сколько-нибудь углубленную разработку отдельных сторон языковой действительности, не могут не носить лоскутного характера. Этим и объясняется тематическая неоднотипность материала, содержащегося в настоящей серии. Такие работы содержат всего лишь предварительные данные, добытые в результате столь же предварительных разведок в различных уголках малоисследованной области.

Заметки эти возникли в основном в процессе чтения курса казахского языка в Казахском государственном педагогическом институте и были написаны первоначально не для опубликования, а лишь для уяснения самому себе тех или иных недостаточно ясных вопросов.

Растущая изо дня в день у самого широкого круга работников культуры потребность в лингвистической литературе, отсутствие исследовательских работ по казахскому языку вынудили меня решиться на обнародование заметок в таком, почти черновом, виде.

Пользуясь случаем, здесь же выражаю свою благодарность С. Жиенбаеву и С. Аманжолову, усилиям которых обязана выходом в свет настоящая работа.

Автор

¹ Впервые работа издана отдельной книгой под названием «Исследования по казахскому языку». проф. Х. Жубанова. (Вып. 1. Из истории порядка слов в казахском предложении. Алма-Ата, 1936): Настоящая работа отпечатана по изданию 1936 г., изд. «КазФАН СССР», Алма-Ата.

ИЗ ИСТОРИИ ПОРЯДКА СЛОВ В КАЗАХСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

...Материя и форма родного языка только тогда могут быть поняты, когда прослеживаются его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки².

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Общеизвестно, что в казахском предложении существует довольно строгий порядок расположения слов. Незыблемый закон размещения членов предложения, общий для всех тюркских языков, может быть сформулирован в следующем виде: определение предшествует определяемому, дополнение – дополняемому, и все члены предложения – сказуемому.

Однако этот порядок расположения слов, очевидно, не был изначальным. Ибо в самом современном казахском языке налицо значительные перебои, что заставляет задумываться над причинами подобного нарушения норм существующего синтаксиса языка и видеть в них образцы норм, некогда господствовавших, но затем вытесненных новыми. Обычно значительная часть исключений из норм существующего строя языка бывает такой природы и находит себе оправдание в историческом прошлом данного языка. Достаточно вспомнить наличие весьма незначительных случаев необходимости строгого порядка расположения слов в русском языке при обычной для этого языка свободе размещения членов предложения. Учитывая, что подобный строгий порядок для слов русского предложения обязателен там, где отношение членов предложения не выражено морфологически, специалисты общего языкознания с полным основанием признают это пережитком аморфно-синтетического строя³, а тем самым и прохождение русским языком стадии аморфно-синтетического оформления слов речи без помощи связующих морфологических элементов. Исходя из того, что «часто только порядок расположения слов без всяких формальных элементов (приставок) определяет связь между словами...»⁴, а также из того, что история ряда служебных слов и аффиксов свидетельствует об их происхождении из слов-основ, академик А. Н. Самойлович утверждает, что приставочному строю в турецких и родственных им языках в весьма отдаленные, доисторические времена предшествовал, по-видимому, строй чисто синтаксический, при котором речь слагалась из одних основ-слов, расположенных в строгом порядке...»⁵.

² Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т. XIV. М., 1931, С. 327.

³ Мещанинов И. И. К вопросу о языковых стадиях. Л., 1931, С. 861.

⁴ Самойлович А. Н. Краткая учебная грамматика современного османского турецкого языка. Л., 1925, С. 11.

⁵ Там же, С. 35. Впрочем, то же положение было высказано еще в 1906 г. В. Радловым, доказавшим правильность своего мнения на примере форм **adac** и **qadac**. См. по этому поводу: *Radlov W. Einleitende Gedanken zu Darstellung der Morphologie der Tuerksprachen*, S. 29-33.

Доводы обоих ученых настолько вески, что ни в какой мере нельзя отвергать эти положения, тем более противопоставлять им другие. Данные учения о языке академика Н. Я. Марра с самого начала указывали на подобный путь развития для всех языков, что придает особую силу аргументации приведенным выше положениям.

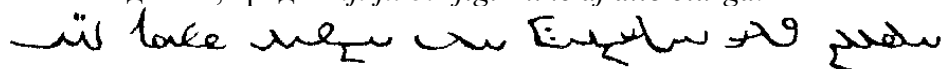
I

Так, в современном обороте речи *күн ұзақ-қа қайда жүрдің*⁶ (Где ты пропал целый день?) – понятие «целый день» передано сочетанием *күн ұзаққа*⁷, где определение *ұзақ* (в смысловом переводе «целый», «весь», а дословно – «долгий») не предшествует определяемому «день», а следует за ним. Согласно действующим нормам казахского синтаксиса следовало бы расположить их в обратном порядке, в виде *ұзақ күн*. Существует и эта разновидность сочетания, но с тем различием, что прилагательное *ұзақ* принимает на себя, казалось бы

⁶ Вместо косвенной формы *ұзақ-қа* с тем же значением употребляется и форма *ұзын* (длинный), так что вышеприведенное можно заменить другим: *Күн ұзын қайда жүрдің?*

⁷ В данном сочетании противоречит современным нормам грамматики казахского языка не только порядок слов: *күн* и *ұзақ*, но и употребление суффикса дательного-направительного падежа – *қа* в слове *ұзақ-қа*. В подобных случаях (т.е. когда слово, выражающее время, отвечает на вопрос «сколько времени?») современный казахский язык употребляет именительный падеж: *бір күн* (одни сутки), *бес сағат* (пять часов), *сүт пісірім* (столько времени, сколько нужно, чтобы молоко вскипело) и т.д. Даже вышеуказанное выражение можно заменить другим, равноценным: *Күні бойы қайда жүрдің?* (Где пропал ты целый день?), где в сочетании *күні бойы* (в продолжение дня) слово *бойы* оформлено именительным. Бывает также, что слово – показатель времени – оформляется и местным падежом не только при ответе на вопрос «когда?», но и на вопрос «сколько времени?». Так, на вопрос *қашан?* отвечают: *түс-те* (в полдень; местный падеж от *түс* – полдень), *кешкі-де* (вечером; местный падеж от *кешкі* – вечерний: *кеш* – вечер+суфф. относительности *-кі*). Кроме того, местный падеж употребляется и тогда, когда слово выражает продолжительность времени. Например, вышеприведенные слова, оформленные именительным падежом, могут в равной мере встречаться в местном падеже: *бір күнде*, *бес сағатта*, *сүт пісірімде*. Так что термин *locativus*, или «местный падеж», не совсем точен в применении к казахскому языку, ибо здесь нет особого падежа места, а есть лишь падеж места и времени, вместе взятые.

Направительный падеж в слове *ұзаққа* (в сочетании *күн ұзаққа*) напоминает традицию древних литературных языков Восточного Туркестана, для которых данный падеж в словах, указывающих на время совершения действия, был не исключением, а нормой. Выражение «26-го числа месяца» в современном казахском языке будет *айдың жиырма алтысында*, где выражение *жиырма алтысында* оформлено местным падежом (показатель – *да*), в то время как в юридических документах древних уйгуров XIV-XV вв. сплошь и рядом встречается обозначение дат направительным падежом, вроде... *ijt jil bir jigirminc aj altı otuzga*.

(начало одного документа из собраний акад. С. Ф. Ольденбурга, по С. Малову) – год собаки одиннадцатого месяца двадцать шестого числа, где выражение *алты отызга* – 26-го (следует иметь в виду, что здесь употреблен так называемый старый способ исчисления, по которому «двадцать шесть» будет «шесть тридцать», т.е. «шесть к тридцати») – оформлено направительным падежом последнего слова *отыз* – 30. Дательный времени спорадически выступает в казахском языке в некоторых наречиях: без притяжательного суффикса в слове *кешке* (вечером, к вечеру) и с притяжательным в словах *жылына* (ежегодно), *күніге* (ежедневно). Особенно интересно оформление последнего слова, где вместо нормального для казахского языка *күніне* мы видим чагатайскую форму *күніге*, что не оставляет сомнения в том, что данное образование либо заимствовано у среднеазиатских соседей казахов, либо является вкладом тех племен, которые до вступления в состав казахов говорили на языках чагатайской группы и обитали в Западном Туркестане.

совершенно излишне, суффикс обладания –лы/ ты. Последний может присоединяться теперь только к именам существительным, а к прилагательным лишь в случае образования антонимического повтора, вроде ұзынды-қысқалы (имеющий и длинное и короткое, т.е. все меры длины), и получается ұзақ-ты күн, что означает то же, что и күн ұзақ-қа, т.е. «целый день». Если слово ұзақ (долгий) без суффикса обладания сочетается со словом күн (день), предшествуя как определению последнему, то такое сочетание дает другое значение, значение «долгий день» уже в астрономическом смысле. В сочетании ұзақты күн (целый день) суффикс -ты понадобился, очевидно, лишь для того, чтобы не смешивать со значением долготы дня.

Итак, наличие сочетания күн ұзаққа позволяет полагать, что в казахском языке некогда имел место чуждый теперешним нормам порядок слов, по которому определение не предшествовало определяемому, как это делается теперь, а следовало за определяемым, пережитком чего и является данное сочетание. В противном случае нельзя было бы объяснить причину подобного расположения слов.

II

Выражение күн ұзаққа, конечно, – не единственный случай нарушения нормального порядка расположения членов предложения. В фольклоре и обыденной речи встречаемся с выражением *Елден безіп, адам тағы болып кетіпті* (Отстранившись от людей, стал диким человеком), где налицо сочетание *адам тағы* (дикий человек), в котором определение *тағы*⁸ (дикий) стоит за

⁸ Значение «дикий» выражено в казахском языке словом *тағы*, подлинно означающим «горный» от основы *таг* (гора+малоупотребительный суффикс –ы/і). Характерно в этом образовании, во-первых, оформление самой основы *таг*, которая по-казахски звучала бы *тау*. Очевидно, данное словоупотребление является вкладом той части населения древнего Казахстана, которая населяла теперешние южные районы Казахстана и говорила на языке уйгурско-чагатайской группы. Подобное сохранение конечных заднеязычных (вместо *у, й*), не свойственное языкам северо-западной или кипчакской группы, типично для казахского, и восточных районов (ср. *сұрақ* вм. *сұрау* – вопрос, *қыстақ* вм. *қыстау* – зимовка и пр.). Вкладом этой же части населения, образовавшего впоследствии казахов, есть все основания считать и суффикс –ы в слове *тағы* (дикий), употребляемый и в присоединении к другим словам: *қазақы киім* (казашья одежда), *естек-і жылқы* (башкирская лошадь, от *естек* – башкир), *түркпен-і кілем* (туркменский ковер), *қоқан-ы ер* (кокандское седло) пр. Так как суффикс этот генетически не может считаться тюркским и в самом казахском языке употребляется очень редко, а самое главное – конечные заднеязычные глухие основы не озвончаются при присоединении этого суффикса (ср. *қазақы, естекі* с этим суффиксом при *қазағ-ы, естег-і* с суффиксом притяжательности III л.), что говорит о позднем появлении данного суффикса в казахском языке, когда глухость и звонкость звуков основы приобрели фонематическое различие, то я усматриваю в нем персидский *і* – нисбет, *і* персидского нисбета генетически то же, что и *і* прилагательного. Вполне естественно усвоение его казахами в форме их собственных редуцированных гласных *і/ы*. Мы знаем, кроме того, и слова с настоящим нисбетом, которые произносятся казахами на манер их собственных слов с беглым гласным *ы/и*. Имя классика чагатайской литературы XV в. Навои популярно у казахов. Даже существует одноименная музыкальная инструментальная пьеса у казахов Западного Казахстана, вероятно, привнесенная туркменами (пока еще не выяснено, имеет ли это какое-либо отношение к музыкальным произведениям Навои или нет). Имя Навои у казахов звучит Науайы, звук же *и (ii)* в конце этого имени, как известно, является персидским нисбетом *ی اوذ* от персидской основы *науа ... اوذ* – благозвучие. Нисбет, несомненно, присутствует и в казахском слове *құдайы (садақа)* – милостыня, от персидского *худој* – божье. Если казахский суффикс –*і/ы* восходит к персидскому нисбету, то последний мог

определяемым *адам* (человек), тогда как нормальный с точки зрения современного казахского языка порядок их расположения был бы обратный – *тағы адам*, что также вполне терпимо.

Правда, единичны случаи сохранения предполагаемого древнего порядка слов. Иначе и быть не могло, ибо господство новой нормы могло осуществиться после того, как была вытеснена старая. Поэтому и там, где определение стоит за определяемым, наше грамматическое мышление не всегда в состоянии это видеть, более того, оно способно превратить определение в определяемое и наоборот. Быть может, такие странные сочетания, как *Күн сұлу* (Солнце красивое), *Ай сұлу* (Луна красивая), *Таң сұлу* (Утренняя заря красивая), встречающиеся в традиционных личных женских именах, или аналогичные им мужские имена, вроде: *Күн жарық* (Солнце светлое), *Ай жарық* (Луна светлая), *Таң жарық* (Утренняя заря светлая), и были образцами такого расположения слов, при котором определения, выраженные прилагательными *сұлу* (красивый) и *жарық* (светлый), следовали за определяемыми *күн* (солнце), *ай* (луна) и *таң* (утренняя заря). Подобное допущение более вероятно потому, что здесь в последних компонентах (*сұлу* и *жарық*) нет возможности усматривать сказуемое, а в первых (*күн*, *ай*, *таң*) – подлежащее, так как сочетания, составляющие личные имена, крайне редко принимают форму предложения, вроде: *Жыл келді* (Весна наступила), *Қожам берді* (Мой хозяин пожаловал) и т.д.

Чаще всего личные имена, будь они простые или сложные, безразлично – представляют собою выражение либо атрибута некоей субстанции, либо предиката некоего субъекта. В первом случае субстанцией, во втором – субъектом мыслится лицо, носящее имя. Так что полный перевод вложенных в вышеперечисленные имена мыслей может быть таков: «(это) – красивое солнце», «(это) – светлое солнце» и т. д.

Бывает также, что личные имена выражают идеал. В таком случае они означают: «(пусть это будет) красивое солнце», «(пусть это будет) светлое солнце». Словесно выраженной формой такого осмысления личных имен являются женское имя *Ұлбосын* – «пусть будет (это) сын», мужское – *Жанбосын* – «пусть будет (это) душой», *Жанбол* – «будь душой» и т.д.

Личные имена: *Күнсұлу*, *Айсұлу*, *Таңсұлу*, *Күнжарық*, *Айжарық*, *Таңжарық* – не могут быть синтаксически расшифрованы в пределах современных норм, т.е. как сочетание определения с определяемым, предшествование первого второму, потому что существительные теперь не употребляются в качестве определений, когда определяемым должно быть прилагательное. Исключения составляют образования типа *қойшы торы*, букв. *пастух гнедая*, т.е. пастуший гнедко, *бәйгі күрең*, букв. скачка рыжая, т.е. скаковая рыжая. Но механизм подобного исключения ясен.

Дело в том, что цвета лошади обозначаются в большинстве случаев не обычными прилагательными цветов, а другими, специфичными для лошадей (как это имеет место отчасти и в русском языке). Даже обычные слова, выражающие определенный цвет, в применении к лошади приобретают иногда совершенно иное

быть перенесен на казахскую почву не кем иным, как среднеазиатскими элементами того этнического образования, которое впоследствии стало казахским народом.

значение. Так, например, прилагательное *қызыл* (красный) обозначает, когда имеется в виду лошадь, не «красная», а «серая». Слова *торы* (гнедой), *күрең* (рыжий), будучи выражениями исключительно лошадиных цветов, легко субстантивируются и употребляются часто без определяемых, но означают то же, что и с определяемыми. Правда, это свойство присуще всем казахским прилагательным, употребляемым изолированно от определяемых. Но подобное положение обычные прилагательные занимают лишь в форме косвенных падежей, в то время как прилагательные, специфичные для лошадиных цветов, способны субстантивироваться и без этого. Слова *торы*⁹ и *күрең* следует в таких случаях понимать не как прилагательные, а как эквиваленты русских существительных: гнедко, сивка и пр. Вот почему и они в состоянии иметь определения из существительных.

Другие сочетания существительных, как бы определений с определяемыми – прилагательными типа *Жолғұтты* (мужское имя), букв. «путь счастливый», *Көзжақсым* (прозвище девушки, даваемое ей невестками ввиду запретности произнесения настоящего имени) – «моя хорошеглазая», *Есалаң* – «(человек) с сознанием рассеянным», *Атжақсы* – (название речки) – «доброименная» и прочие образовались, по-видимому, в результате выпадения беглых гласных в конце первых компонентов. Притяжательное окончание на *i/ы* обычно не принимает на себя ударение, почему бывает склонно к выпадению. Беглый гласный *i/ы*, находящийся в конце первого компонента сложных слов, часто выпадает и не будучи притяжательным окончанием (ср., напр., собственное имя собаки *Бербасар* от *бөрі* (волк) и *басар* – причастие будущего времени от *бас* (давить – давящая волков), *келсап* (колотушка для толчения проса) от *келі* + *сап* и т.д.). Таким образом, *Жолғұтты* следует восстановить в форме *жолы құтты* (его путь счастливый), *Көзжақсым* – в форме *көзі жақсым* (моя хорошеглазая, букв. ее глаза хорошие – моя), *Есалаң* – в форме *есі алаң* (т.е. его сознание рассеянное, полусознательный), *Атжақсы* – в форме *аты жақсы*¹⁰ – (его имя хорошее).

⁹ Казахское *торы* (гнедой), соответствующее уйгурско-чагатайским формам *торык*, *торығ* * *id*, первоначально означало, очевидно, не масть лошади, а просто лошадь, как это видно из словаря знаменитого ученого XI в. М. Кашгарского, который слово *toruğ* переводит арабским

словом *al-farasu* *الفراس* – лошадь и приводит в подтверждение этого фразу: *بِعَ أَغْلَانِيحِ بِيَرِ تَرْتَمَقَا أَلْدُم* *бу огланиғ бір торуғқа алдум*, в арабском переводе *أَتَيْتُ سَفَرِيَّتَ فَعَدَا الْغُلَامَ بِيَرِيَّتِي*, т.е. я купил этого мальчика за одну лошадь (*aj ictarajtu hadha algulama bifaraseñ*, цитирую по памяти).

* Здесь и далее буква *ğ*, отсутствующая в типографии, заменена современной *g*.

¹⁰ *Атжақсы* (аты жақсы), как и его антоним *аттеріс* (аты теріс), по-видимому, ранее было иносказательное выражение, употребляемое при назывании чего-либо, настоящее название которого почему-то (т.е. или по запретности, или из-за уважения) нельзя было произносить. Призыв бия Караменде к Кенгербаю гласит:

Сәлем де Кенгірбайға, кел, кетелік!
Мықты сабаз атанды терлетелік.

.....

В сочетаниях: *жау жұмыр*¹¹ – название съедобного корня какой-то дикорастущей травы, по-видимому, дикого картофеля, букв. масло-цилиндр, т.е. маслянистый (съедобный цилиндр), *сүт кенже*¹² (самый младший из детей, букв.

Аты жақсы дариядан әрі өтелік!

Аты жақсы дария здесь Сыр-Дарья. Тут в слове *аты* окончание *-ы* сохранено.

¹¹ Слово *жау* в сочетании *жау жұмыр* я перевожу «жир», «масло» (хотя оно такого значения в казахском не имеет), исходя из того, что уйгурскому *jağ* (жир, масло), алтайскому *djuv id* в казахском соответствует форма *жау*. Что же касается единственно известного казахскому языку значений имени *жау* (соответствующего орхонскому) *𐰇𐰏𐰣 jağ* – враг) и глагола *жау* (соответствующего не кипчакской форме *jağ* – «идти» дождю, снегу), то ни то, ни другое из этих значений не могло иметь места в словосочетании *жау жұмыр* (дикий картофель). К тому же слово *жау* налицо и в другом составном названии опять-таки съедобного растения – *жау қазын* (клубни тюльпана). Вторая часть этого сочетания – *қазын* – отглагольное имя от основы *қаз* (копать) + суффикс *-ын*, наличный и в составе слов *сауын* (дойное животное) от *сау* (доить) и *егін* (посев) от *ек* (сеять). Так что *қазын* означает нечто копаемое – ископаемое, а вместе с *жау* (*жау қазын*) – маслянистое ископаемое. Очевидно, в казахском языке значение «масло», «жир» (маслянистый, жирный) употребляются как символ всякого съедобного и съедобные растения уточняются определением «маслянистый». О том, что некогда наш язык знал слово *jağ* (масло), говорит также существование глагола *жақ* (мазать), производного от значения «масло», или, что то же, «мазь». Именное же значение данной основы *жақ-жау* утрачено, будучи вытеснено другим словом – синонимом *jağ* – словом *май*. Последнее, по всей вероятности, стало господствовать в связи с культом божества – покровительницы женщин – Умай, фонетическим лишь вариантом которого (утратившим начальный узкий гласный, очевидно, бывший детерминативом) и является слово *май* «масло», «жир». Такое невероятное отождествление названия женского божества по словом, означающим «масло», «жир», оправдывается тем, что почитание кюьта Умай всегда сопровождается употреблением «масла» или «жира» вообще. Мусульманская религия не оставила места чистому виду культа Умай у казахов. Они не знают такого божества. Но зато процедура почитания Умай сохранилась в довольно чистом виде. Во время родов женщины бросают в огонь масло или сало, обращая при этом к каким-то забытым божествам со словами: «*От ана! Май ана! Жарылқа!*» [в переводе. «Мать огонь! Мать Май (масло)! Помилуй!»]. Об этой процедуре свидетельствует и классик казахской поэзии Абай в своем трактате «Пара слов о происхождении казахов». «Мать Май», к которой обращаются женщины за помощью в трудные моменты их жизни – во время родов – не могла быть не кем иным, кроме как покровительницей женщин – Умай. Но ее имя произносится казахами иначе, чем в Сибири, как *Май*, без начального гласного у. Название покровительницы матерей-кормилиц могло стать и названием матери-женщины, и названием материнских органов, т.е. органов кормления – груди и деторождения – *vulva*, и названием корма, еды, съедобного, в том числе и жира. Отсюда наличие слов в казахском *ұма* (вымя) с перегласовкой у в е: *ем* (сосать), *емшек* (женская грудь), *алтайское емеген* (мать), якутское *emie* (кобыла, т.е. мать), что с выпадением начального гласного в казахском будет *bie/mie id*. Основа *ем* (сосать, женская грудь) с перегласовкой *e* в *a* будет означать *vulva* – материнский орган.

¹² *Сүт кенже* – образование, встречающееся весьма редко. Мне лично известен лишь единственный случай употребления этого выражения из сохранившихся акына Шакара с Таразой – снохой известного Есет-батыра Котибарова (середина XIX в.). Тараза – красавица и поэтесса-акын, выданная замуж за слепого и бездарного младшего сына Есета – Дяу, будучи недовольна своей судьбой, вела себя нетактично и сочинила ряд песен, оскорбляющих своего жениха, а в лице его всю Котибарову фамилию. Обиженные этим поведением невесты, сородичи Дяу поручили импровизатору Шакару по прибытии Таразы в дом жениха выступить с беташаром (торжественной песней, с началом исполнения которой открывают закрытое лицо невесты), чтобы попутно ответить Таразе оскорблением же. Выступая с беташаром, Шакар сказал между прочим и следующее:

*Бұқардың мақпалындай етің, келін!
Кешегі жауған қардай бетің, келін!
Есеттің сүт кенжесін соқыр дейсің!
Үйінде әкесі жоқ, жетім келін!*

Тело твое, невеста (так нежно), как бухарский бархат!
Лик твой, невеста (так светел), как свежий снег!
(За что) прозвала слепым самого младшего сына Есета,

молочно младший, т.е. сосавший последнее молоко матери) от сүт (молоко) и *кенже* (младший из детей) – определяемые *жұмыр* (цилиндрический) и *кенже* (младший из детей) действительно прилагательные, а определения *жау* (масло) и *сүт* (молоко) действительно существительные.

Под образованием, аналогичным этим двум (*жау жұмыр, сүт кенже*), обычно понимается и сочетание *қаз қатар* (в ряд, подряд, параллельно, букв. гусиным рядом; не следует смешивать с русским «гуськом», указывающим на последовательность ряда. Но здесь я склонен видеть не два самостоятельных слова: *қаз* (гусь) и *қатар* (ряд), а одно слово *қатар* с усилительным слогом *қаз/қас*, подобно оразованиям *сап-сары* (желтый-прежелтый) от *сары* (желтый), *қып-қызыл* (красный-прекрасный) от *қызыл* (красный). Современный казахский язык образует усилительный слог путем повторения начального согласного и первого гласного основы, затем к ним прибавляет согласный *п*, как это видно из *сап-сары* и *қып-қызыл*. Но анатолийско-турецкий язык прибавляет не только *п*, но и *м*, и *с*, например, *гәм-гәк* (голубой-преголубой) от *гәк* (голубой), *бәс-бүтүн* (совершенно

Ты, невеста, лишившаяся своего отца, – сирота?

Вот в этой песне и встречаем выражение *сүт кенже* в значении «самого младшего сына».

Следует заметить, что выражение, как будто не к месту употребленное у Шакара, «лишившаяся своего отца – сирота», являясь упреком по адресу Таразы, имеет тот смысл, что последняя могла допустить оскорбительное слово «слепой» про хранителя домашнего очага Есата +Дяу лишь по своей неблагоприятности, как девица, потерявшая отца-воспитателя. Подобное символическое значение данного выражения становится понятным, если вспомнить казахскую поговорку «*Әкесіздің аузы өсер*» (Тот, кто не имеет отца, бывает невыдержан в выражениях, букв. – У того, кто без отца, уста разбухают). В правильности такого толкования можно убедиться из следующего ответа Таразы на упреки Шакара:

*Сұрасаң ұруымды – Құлтумамын,
Жал-құйрық аруанадан бір туганмын.
Болғанмен әкем өлі, екі ағам бар
Соқтырған мың теңгеден ер-тұрманым.
Қыздарды әкесі бар көріп жүрміз,
Жеңінің жасмай алмайт жыртылғанын,
Бетіне бет ашарды ұстап алып
Көрдің бе мына шалдың құтырғанын!*

Смотрите, как взбесился этот старик,
Прикрываясь формулой беташара.
Если хочешь знать, какого я происхождения,
то я из рода Култума.
Знатна я, подобно породистому биртугану.
Хотя отца моего нет в живых, но зато есть двое
старших братьев,
Не пожалевших 1000 рублей серебра на изготовление
моего седла.
Мы видим и девушек, отцы которых живы,
Но которые ходят с оборванными рукавами,
не умея их починить.

Біртуган – лучшая порода одногорбого верблюда. Говорят, что во время этого состязания дочь одного из сыновей Есата ходила с оборванными рукавами, на что Тараза и делала намек, как на образец плохого воспитания, в результате чего девушка даже не научилась чинить свое платье.

На этом состязании победительницей оказалась Тараза.

Песни-состязания Таразы с Шакаром записаны мною в 1932 г. из уст гр-ки Б.Т., проходившей из Котибарова поколения (Челкарский р-н Актюбинской обл.).

целый) от *бүтүн* (целый). Следы подобного же анатолийскому прибавления звуков *м* и *с* при образовании усилительного слога в казахском языке видны в таких словах, как *тым-тырыс* (абсолютное молчание), *жым-жырт* (абсолютная тишина), *қым-қуыт* (суматоха), *тас-төбе* (самая верхняя точка чего-либо), *тас-талқан* (совершенно размельченный, абсолютно разрушенный)¹³. Подобно форме *тас-талқан* и форма *қаз-қатар* может быть признана словом, имеющим лишь усилительную частицу *қаз*, образованную из начального согласного *қ* и первого гласного *а* основы *қатар* с прибавлением к ним свистящего *з*. Тогда *қаз-қатар* означало бы «в совершенно ровный ряд». К такому допущению меня вынуждает наличие формы *қаз-қалпында* (в том же совершенно положении, в каком было) от *қалып* (положение), где проклитическая частица *қаз*, несомненно, представляет усилительный слог. Значение же «гусь», имеющее некоторое оправдание для первого случая, в случае с *қаз-қалпы* совершенно неуместно. Если от основы *қалып* образована усилительная форма *қаз-қалпы*, то от основы *қатар* также могла быть образована усилительная форма *қаз-қатар*. Поэтому образование *қаз-қатар* я исключаю из рядов сочетаний типа *жау жұмыр* и *сүт кенже*. Последние два сочетания нельзя, однако, рассматривать как абсолютно равные величины. Ибо слово *кенже* означает не просто «младший», а включает в себя и значение определяемого «сын» или «дочь», поэтому и в собственных именах оно встречается то в положении определения, как в сочетании Кенжебай (младший

¹³ Так как эти слова представляют теперь не живую форму словообразования, а окаменелости, то их настоящие значения не видны невооруженным глазом [т.е. неспециалистам].

Слово *тым-тырыс* состоит из усилительного слога *тым* и ономато-поэтической основы *тырыс* в полной (именной) форме *тырсыл*, что значит «несильный, прерывистый шум», но с усилительным слогом *тым* – не «шум», а «мертвая тишина». При всей несовместимости, с точки зрения современного мышления, звучания с молчанием язык часто имеет дело с подобным совмещением несовместимого, как это видно из казахского слова *саңрау*, по-чагатайски *saңraғ* (глухой), образованного от *саңыр* (звон), или, как в случае с древнеуйгурским *garağı* (слепой), в казахском *су қарағы id* от *қарақ* (глаз).

Жым-жырт (мертвая тишина) образовано от *жырт* (в глухой разновидности *шырт*), встречающегося в качестве определения к слову *ұйқы* (сон) в составе сочетания *шырт ұйқы* (крепкий сон), очевидно, воспринимавшегося как «тихий сон» (*жым* употребляется также и в значении тишины; говорят: *жым* болды, букв. стало *жым* – умолк). Есть все основания полагать, что *жым* стало усилительной частицей лишь впоследствии, а первоначально имело самостоятельное значение, причем такое же, какое имеет и *жырт*. Дело в том, что от обоих образуются глаголы: *жым-ың-да*, *жырт-ың-да*, означающие «улыбаться с неприятным легкомыслием», т.е. делать мимические движения лицом. Когда делать мимические движения лицом понимается как обнаружение легкомысленного поведения, то оно выражается глаголом *жыбыр-ла* (двигаться) от основы *жыбыр* (мелкое движение поверхности). Казахское слово *мылқау* (глухонемой) образовано от основы *мылқ* – разновидности *былқ*, в полной именной форме *былқыл* (движение упругого тела, движение вообще). Во всех этих случаях мы имеем дело с понятием «движение», употребляющимся в значении «молчания», потому что в них звуковой язык противопоставляется языку движения, движения лица – мимике, поэтому «не говорящий» или «не звучащий», в том числе и не «хохочущий», а «улыбающийся», понимаются, как «говорящий движением», «говорящий движением лица», «говорящий мимикой». Отсюда *мылқау* (глухонемой), букв. означающее «двигающийся», т.е. «делающий мимику», отсюда же *жым-ың-да*, *жырт-ың-да* – «неприятно улыбаться», «моргать», «делать движения лицом», т.е. «выражаться лицом», что означало бы «говорить молча», или, что то же, «не издавать звука», «молчать». Значение «тишина» в словах *жым*, *жырт* восходит, таким образом, к «молчанию», что вместе с «движением» составляет противоположность «звучания», *resp.* «говорения».

Слово же *қым-қуыт* (суматоха) образовано от мертвой формы *қуыт*, состоящей из глагольной основы *қу* (гнать, гонять) + мертвый суффикс *ыт*, образующий имя от глаголов (ср. *ки-ит*, *мін-ит*). Слово *қуыт*, таким образом, означает нечто вроде «гонки» или «положения, когда гонятся».

богатый), то в функции определяемого, как в составе – *Байкенже*¹⁴ (богатый младший сын). Слово *жұмыр* (цилиндрический) является обычным прилагательным, могущим и субстантивироваться, когда отсутствует определяемое слово, но не могущим выступать в роли определяемого, когда определением является существительное типа *жау* (жир). Поэтому и образование *жау жұмыр* можно отнести к тем отложениям, которые своим строением сохранили старый порядок слов, где определяемое (в данном случае слово *жау*) предшествует определению (в данном случае *жұмыр*). При таком понимании следовало бы перевести сочетание *жау жұмыр* как «цилиндрический жир», «цилиндрическое съедобное».

III

Мы уже отметили, что все прилагательные казахского языка обладают свойством субстантивироваться в известных условиях. Кроме того, существует ряд имен, являющихся одновременно и прилагательными, и существительными. Таковы названия имущественных, профессиональных, должностных и других общественных положений людей. Так, слово *бай* означает и «богатый», и «богач», слово *батыр* – и «храбрый», и «храбрец» (богатырь), *сұлу* – и «красивый», и «красавец» и т.д. Поэтому, когда такого рода слова сочетаются с личными именами, то в зависимости от того, которое из двух имен (личное или нарицательное) понимается как носитель признака и является выражением признака, слова *бай*, *батыр* и прочие могут выступать и в роли определений к личным именам, и в роли определяемых личными именами, как это видно из сочетаний *бай Маман*, *батыр Көтібар*, *сұлу Айман* и, наоборот, *Маманбай*, *Көтібар батыр*, *Айман сұлу*.

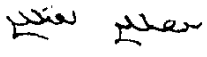
Оба вида сочетаний переводимы на русский язык одинаково: «богач Маман», «богатырь Кутибар», «красавица Айман», но никак не наоборот. Ибо атрибутивность, присущая природе понятий: *бай*, *батыр*, *сұлу*, несколько не снимается от перемещения их, а это последнее лишь дает иной оттенок, точно не переводимый на русский язык. Но ведь такое же почти различие оттенка относительного значения слов (т.е. значения слов, придаваемые последним по отношению к остальным членам сочетания) налицо и в русских оборотах: «вновь построенный дом», «дом, вновь построенный» и «дом, построенный вновь». Перенесение определительных слов на позицию, предшествующую личным именам, в казахском языке лишь подчеркивает значение атрибута, поэтому оно уместно в случаях особого стилистического оформления речи, когда говорящий старается возвести данное лицо до положения, которое выражено в определении. Предшествование определения определяемому, являющемуся личным именем,

¹⁴ В собственном имени типа *Кенжеқара* слово *қара* (брюнет, собств. черный), являясь прилагательным, следует в то же время за словом *кенже* и понимается как определяемое (младший брюнет). Но я вижу в данном случае в слове *қара* не значение «черный», а значение «опора», «сторонник», встречающееся во фразе *қара жию* (вовлечь сторонников своих); *Біреудің қарасын көбейту* (увеличить число сторонников кого-либо). Отсюда образование *ер қара* (живая модель, живая кукла), человек, поставленный на какую-либо должность, но не способный ее оправдать. Здесь значение «черный» неуместно.

уместно также, если слушающий, не представляя себе точно, о ком из лиц, носящих данное имя, идет речь, переспрашивает говорящего. В таких случаях говорящий прибавляет к личному имени необходимый эпитет с целью придать ясность своему сообщению. Этот эпитет предшествует личному имени, как в случаях: *Илияс, қай Илияс? – Ақын Илияс; философ Илияс.*

Обычный же нормальный порядок размещения слов в подобных сочетаниях по сей день тот, в котором личное имя – определяемое – предшествует слову – определению: *Габбас сыншы* (критик Габбас), *Қартқожа инженер* (инженер Карткожа), *Санжар профессор* (профессор Санжар), *Бекет жолдас* (товарищ Бекет), *Асқар ақын* (поэт Аскар), *Әли агроном* (агроном Али) и т.д.

Что существующий порядок расположения слов (социальных определителей с определяемыми – личными именами) не согласуется с современным же грамматическим строем, а является исключением из существующих норм, отражающим прошлое синтаксической организации слов, видно из того, что подобное расположение определений возможно не при всех собственных именах, выступающих в роли определяемых, а лишь при определяемых личных именах. Так, собственные имена, относящиеся к топонимике, и имена этнонимические, близкие к категории собственных имен, не допускают (фактически) к себе определяющих слов, следующих за ними.

Если, например, язык орхонских надписей знал сочетания топонимических имен, вроде: *Өтүкен ййж – 𐰉𐰺𐰽: 𐰚𐰏𐰍𐰏* ; *Шандуң иазіқ тагі – 𐰽𐰏𐰚𐰏𐰚𐰏𐰚𐰏: 𐰚𐰏𐰚𐰏* , этнонимических типа: *𐰚𐰏𐰚𐰏𐰚𐰏: 𐰚𐰏𐰚𐰏* – *Қарлық бұдұн*, *𐰚𐰏𐰚𐰏𐰚𐰏: 𐰚𐰏𐰚𐰏* – *Табғаш бұдұн*, а древнеуйгурский употреблял названия годов двенадцатилетнего животного цикла в качестве определений к слову: *йіл: ит йіл* (год собаки), *йонт йіл* (год лошади), то подобное положение невозможно для казахского языка. Последний не терпит словоупотреблений такого типа, как *Нарын құм*, *Еділ өзен*, *қытай халық*, *қырғыз халық*, *ит жыл*, *жылқы жыл* и т.д., а оформляет в подобных сочетаниях слово-определение – родительным падежом (не оформленным суффиксально) и слово-определяемое – притяжательным окончанием 3-го лица: *Нарын құм-ы* (Нарынские пески); *Еділ өзен-і* (река Волга), *қытай халқ-ы* (китайский народ), *қырғыз халқ-ы* (киргизский народ), *ит жыл-ы* (год собаки), *жылқы жыл-ы* (год лошади) и т.д. Единственным исключением из этого, насколько мне известно, является *Бетпақ дала* – казахское название Голодной степи, которое оформлено, хотя бы на первый взгляд, по образцу вышеприведенных орхонских и древних уйгурских сочетаний¹⁵. Но это

¹⁵ Адъективация экономических и топонимических названий широко применяется и современными живыми языками Сибири. Алтайцы называют себя просто *Алтай кіжі* (Алтай-человек, т.е. алтайский человек). Хакасцы выражение «сагайский народ» передают сочетанием *сагай жон* (сагай-народ).

Характерно, что в хакасском возможны и такие сочетания, как *салган от* (крапива-растение, т.е. растение крапива):

*Салган оттың төйізбін,
Сагай жонның төлібін.*

Я – корень растения крапивы,
Я – потомок народа сагай.

исключение объясняется тем, что слово *Бетпақ* само по себе не является собственным именем, а является обычным прилагательным, означающим «несчастный» (от иранского *бад*, *бахт*).

Таким образом, выясняется, что сочетание определения с определяемым, предшествование второго первому, наличное при определяемых из собственных имен, возможны только при собственных именах л и ч н ы х.

Но и личные имена – определяемые – не всегда допускают постпозитивность своих определений. Так, определения из обычных качественных прилагательных типа: *ұзын* (высокий ростом), *қысқа* (низкорослый), *қара* (темного цвета, брюнет), *сары* (рыжий, блондин), *жуан* (толстый), *семіз* (полный, здоровый, жирный), *арық* (худощавый) и т.д., выступая в роли определений к личным именам, не могут находиться позади личных имен. Слова, определяющие личное имя, чистые ли они прилагательные или смешанные (т.е. являющиеся одновременно и прилагательным, и существительным), или даже настоящие существительные, безразлично, могут и должны следовать за своими определяемыми – личными именами – лишь при условии, если эти определительные слова выражают какую-либо социальную характеристику личности, т.е. классовую, сословную, профессиональную ее принадлежность. А такие понятия, как *сұлу* (красивый), *таз* (плешивый) и т.д., могущие следовать за определяемыми, как в случаях *Айман сұлу*, *Ғали таз*, несмотря на то, что они теперь характеризуют личность лишь со стороны ее природных качеств, очевидно, были приравнены к социальным определителям.

Если профессиональные и сословно-классовые определители личных имен свободно могут расположиться по обе стороны определяемого слова – личного имени, допуская возможность как следования определяемого за определением, так и предшествования его определению, если даже определители этой категории больше любят находиться позади своих определяемых, то иную картину мы наблюдаем в позиции другой категории социальных определителей именно-родовых и племенных названий. Определения к личным именам, состоящие из этнонимических названий, почти обязательно занимают место перед своими определяемыми. Здесь нормальный, почти единственный порядок слов должен быть таким, какой налицо в сочетаниях: *арғын Жәнібек* (аргинец Жанибек), *байұлы Сырым* (байулинец Сырым), *қара қыпшақ Қобыланды* (Кобланды из рода кара кипчак) и т.д. Обратное сочетание типа *Қорен қалмақ* (калмык Хорен), наличное в поэме «Кыз-Жибек», – явление крайне редкое, во всяком случае невозможное для определений их родовых названий.

По вопросу о генезисе личных имен наука располагает в настоящее время достаточными данными, говорящими о том, что личные имена появились позднее. До их возникновения отдельные личности носили общее имя племени или рода.

На стр. 32 первого издания шорского букваря *Наа жол* (Новый путь) встречаем даже прилагательное определение, следующее за определяемым во фразе: *Олақ шымықты ат эт мұнду. Машақ ұлұқ ол атпа парсат айты: шымығыңны маа пәр – мән аңма ат қашырайын.* Здесь сочетание *Машақ ұлұқ* (Машак взрослый, т.е. взрослый Машак); если автор поступил правильно с точки зрения синтаксиса своего языка, то допускает следование определения *ұлұқ* (взрослый) за определяемым *Машақ*. По-казахски эти фразы выглядели бы так: *Бала шыбықты ат етіп мінді. Машақ деген үлкен кісі атпен бара жатып (оган) айтты: шыбығыңды маган бер – мен онымен ат айдайын.*

Очевидно, при новых обстоятельствах, вызвавших более сложные взаимоотношения между членами общества, возвысивших значение личности, старый способ обозначения индивидуумов по имени всего коллектива был недостаточно выразительным, и возникла необходимость уточнить общее племенное или родовое название новыми, долевыми, названиями – личными именами. Отсюда естественно, что личные имена, относясь к коллективному имени, как частное к общему, первоначально возникли как определительное слово к племенным или родовым названиям, уточняя, конкретизируя последние.

В том, что личные имена всегда следуют за родовыми названиями, мы имеем некоторое основание видеть пережиток синтаксического прошлого, когда личные имена, как определения к родовым и племенным названиям, следовали за ними.

Что касается склонности к постпозитивности определителей сословно-классовых и профессиональных типа *бай, батыр, сұлу* и прочих и наличия у этой категории слов возможности свободного расположения по обе стороны своих определяемых, то следует заметить, что и они восходят [...] к племенным названиям. Но так как эта категория слов довольно рано успела обособиться от значений, сообщающих им групповой, кастовый и прочий характер¹⁶, и стала представляться как выражение личных качеств отдельных индивидуумов, то вместе с тем она довольно рано стала приобретать значение атрибутивности и употребляться как определение. Если и по сей день эти определители обладают силой свободно располагаться по обеим сторонам своих определяемых, то в этом следует лишь видеть борьбу двух синтаксических структур – старой, по которой они должны следовать за определяемыми, и новой, по которой должны предшествовать им, что с точки зрения современного грамматического мышления казахов воспринимается как превращение их в определения, когда они предшествуют личным именам, и как переход в определяемые, когда определители следуют за личными именами.

Если в этих сочетаниях все же не так ясно наличие неустойчивости места расположения определительных слов, то действительную неустойчивость, граничащую с хаотичностью, мы наблюдаем, когда разбираемся в составе сложных личных имен.

IV

Синтаксис сложных личных имен имеет все основания быть предметом специальной диссертации, так как по слоям, отлагавшимся в этих окаменевших образованиях, представляется возможность прочесть значительное число страниц

¹⁶ Для того чтобы убедиться, что слова типа *бақсы* (колдун), *мерген* (стрелок, охотник) раньше обозначали целый социальный слой, достаточно вспомнить кастовый характер этих профессий в ряде племен.

Социальная природа категорий, обозначаемых рядом обычных теперь прилагательных, может быть иллюстрирована амплитудой колебания значений некоторых прилагательных. Так, казахское прилагательное *ұлкен* (большой, старший) – разновидность существующих в казахском же языке слов: *ұлы, ұлық* (великий), в алтайском означает одно из божеств; форма *ұлық* в самом казахском означала при царизме «чиновник, представитель власти». Быть может, киргизское и уйгурское *шоң* (большой) является назализованной разновидностью хакасского *шон* (народ). Об этимологии *ұлы, ұлық, ұлкен* см. *Вамбери. Etimologisches Wörterbuch*. В. 11-12, но следует учесть характерную для этого автора смелость в выводах.

неписанной истории грамматического развития языка. Естественно, мы не претендуем на глубокую разработку этого вопроса, а лишь хотим в связи с поднятым выше вопросом коснуться структуры некоторых из них, в которых неустойчивость местоположения определений выступает довольно выпукло.

В расшифровке собственных имен: *Қойлыбай* (богатый овцами, или богач, имеющий в обилии овец), *Малдыбай* (богатый скотом, или богач, в обилии имеющий скот) и т.д. мы, конечно, не затрудняемся и не видим никаких противоречий с законами современной грамматики, ибо тут как с синтаксисом, так и с морфологией обстоит более или менее благополучно. Структурно иное образование типа *Жылқыбай* (букв. лошадь-богач), *Сыырбай* (букв. рогатый скот-богач), *Түйебай* (букв. верблюды-богач) мы интерпретируем обычно по аналогии с *Қойлыбай*, *Малдыбай* и прочими, как «богатый лошадьми», «богатый рогатым скотом», «богатый верблюдами» и т.д., хотя существительные в казахском языке при адъективации не принимают на себя значения обладания.

Значения, которыми обладает адъективированное существительное, могут быть сведены в основном к четырем¹⁷ следующим:

1) адъективированное существительное выражает происхождение из существа того предмета, к названию которого оно стоит определением, вроде *темір күрек* (железо – лопата, т.е. железная лопата);

2) адъективированное существительное выражает собою назначение предмета, выраженного определяемым, вроде *шай қасық* (чай – ложка, т.е. чайная ложка);

3) адъективированное существительное выражает сходство с ним предмета, выраженного определяемым, вроде *біз тұмсық* (шило – клюв, т.е. остроносый, или шилообразный клюв).

Подвидами этого значения являются и те, которые показывают не сходство в целом с предметом, выраженным адъективированным существительным, а лишь сходство с его частью: вроде *бота көз* (верблюженка – глаза, т.е. имеющий глаза, похожие на глаза верблюженки, а не глаза, похожие на верблюженку, как казалось бы по наличным в сочетании лексическим элементам).

Общее свойство, присущее всем разновидностям значений, относящимся к категории, описанной в п. 3, – то, что здесь сочетание в целом переходит в прилагательное;

4) адъективированное существительное выражает собою местонахождение предмета, выраженного определяемым, вроде: *жан қалта* (бок – карман, т.е. боковой карман), *төс қалта* (грудь – карман, т.е. карман, находящийся на груди), *қойын қалта* (пазуха – карман, т.е. карман, находящийся за пазухой).

Как видно из этого, ни одно из перечисленных значений не подходит к тому, что означали бы сочетания *Жылқыбай*, *Түйебай* и пр. Но в том случае, если бы, несмотря на это, приняли *Жылқыбай*, *Түйебай* и прочие за сочетания, означающие «богатый лошадьми», «богатый верблюдами» и т.д., то такого не могли бы допустить для аналогично оформленных *Итбай* (букв. собака-богач), *Күшікбай*

¹⁷ Один из местных авторов перечислил 8 значений адъективированных существительных. Очевидно, разновидности значений этой формы не исчерпываются восемью. Сводя к четырем основным, мы не хотим этим отрицать множества значений, а лишь объединяем вместе некоторые незначительные их разновидности.

(букв. щенок-богач), *Бөрібай* (букв. волк-богач) и тем более для *Еділбай* (букв. Волга-богач) и т.д. Не могли бы допустить подобной интерпретации потому, что нельзя принять за возможное значение «богатый собаками», «богатый щенками», «богатый волками», ибо подобных богатеев не бывает вообще, в особенности у казахов, которые в число домашних животных, составлявших прежде их богатство, не включают собак, тем более, волков, когда обозначают домашнее животное словом *мал*. Если бы объясняли подобным образом значение этих сочетаний, то все же последнее образование *Еділбай* никак нельзя было бы подвести под эту категорию, ибо невозможно допустить значение «богатый Волгой». Обычно казахи подобное имя дают в том случае, если ребенок родился на берегу Волги. Таким образом, правильный перевод выражения *Еділбай* будет «богач, родившийся на берегу Волги». Первые же три имени *Итбай*, *Күшікбай*, *Бөрібай* не поддаются даже такому приблизительному объяснению. Быть может, в этих личных именах мы имеем дело с далекими отзвуками тотемистического мировоззрения, когда собака и ей подобные животные могли считаться родоначальниками известных групп людей. В таком случае можно было бы все эти образования отнести из числа вышеперечисленных к первой категории адъективации, т.е. к тем сочетаниям, у которых первые компоненты определяют вторые со стороны происхождения, и получить значения: «богач собачьего происхождения», «вольчегго ...», «волжского ...» и т.д. Такая этимологизация не затруднила бы отнесение отдельных членов композита к тому или иному члену предложения, предшествующие приняли бы за определения, а последующие – за определяемые.

Словосочетание *Итбай* не допускает перемещения своих составных элементов в форме *бай ит* (имеются в виду личные имена). И это кажется легко объяснимым. Это потому, что мы принимаем слово *ит* (собака) за определение, а *бай* (богач) за определяемое. Обратный порядок кажется невозможным, потому что слово *бай* (богатый), как слово, выражающее имущественное положение людей, не может быть определением к слову «собака» (*ит*) в форме *бай ит* (богатая собака), ибо бедность и богатство – меры, неприменимые к собаке.

Но подобное умозаключение, основанное на логике классового общества, далеко не оправдывается, когда его проверим на остальных трех сочетаниях: *Күшікбай*, *Бөрібай*, *Еділбай*, изменив порядок заключенных в них слов на обратный: *Бай күшік*, *Бай бөрі*, *Бай еділ*.

Такое расположение слов для этих трех сочетаний вполне возможно. Если бы перестановка слов в сочетании *ит бай* была невозможна потому, что невозможно существование «богатых собак» (*бай ит*), то в такой же степени было бы невозможно существование «богатых щенков» (*бай күшік*), следовательно, и невозможна перестановка слов в сочетании *Күшік бай*. Но, как видно, последнее сочетание допускает перестановку, следовательно, в основе построения этих личных имен лежит не то отношение слов-определений к словам определяемым, что существует теперь, т.е. нельзя объяснить предшествование слов: *Күшік*, *Бөрі*, *Еділ* в сочетаниях *Күшік бай*, *Бөрі бай*, *Еділ бай* тем, что предшествующие элементы являются определениями, подобно тому, как нельзя объяснить этим предшествование слова *бай* в сочетаниях: *бай еділ*, *бай бөрі*, *бай күшік*.

В этих сочетаниях все же мы имеем дело со словом *бай*, являющимся не чистым прилагательным, а прилагательным смешанным, т.е. таким, которое

одновременно является и прилагательным, и существительным, означающим не только «богатый», но и «богач», что, может быть, дает ему возможность быть определяемым в противоположность чистым прилагательным, которые не допускают определений из существительных. Но и такое предположение немислимо, ибо существуют личные имена, в составе которых имеются чистые прилагательные, следующие за существительными.

В сложных именах *Сары құл*, *Қара құл*, *Сары бай*, *Қара бай*, *Аман құл*, *Аман қос*, *Аман жол* современное наше грамматическое мышление видит сочетания, в которых определения *сары* (желтый, рыжий), *қара* (черный, темного цвета), *аман* (благополучный) предшествуют согласно законам казахского синтаксиса своим определяемым: *құл* (раб), *бай* (богач), *қос* (очаг путников), *жол* (путь, дорога), и осмысливает перечисленные имена, как «рыжий раб», «черный раб», «рыжий богач», «темного цвета богач», «благополучный раб», «благополучный очаг спутников», «благополучный путь». Такое осмысливание кажется с первого взгляда единственно возможным, ибо во всех этих сочетаниях прилагательные *сары*, *қара* предшествуют существительным, как и в сочетаниях с действительным присутствием этих прилагательных в качестве определений, вроде *сары көйлек* (желтая рубашка), *қара бояу* (черная краска), *аман ауылдар* (благополучные аулы, аулы, не подверженные чему-то).

Но как в таком случае объяснить структуру личных имен, где те же слова расположены в обратном порядке: *Құл сары*, *Құл қара*, *Бай сары*, *Бай қара*, *Құл аман*, *Жол аман*, *Қос аман* и т.п.¹⁸ Очевидно, в основе образования подобных сочетаний слов лежат иные законы синтаксиса, не те, которые нам известны. Конечно, могут быть различные предположения и в защиту их образования по законам, не особенно чуждым современному казахскому синтаксису. Но факт тот, что сочетания, не укладывающиеся в рамки действующих норм казахской грамматики, несомненно, здесь налицо.

Можно было бы отнести все эти синтаксические аномалии к особенностям построения личных имен, ибо у последних действительно имеет место некоторая образность – словесная невысказанность всей мысли, какая вкладывается в имена. За примерами подобного случая недалеко ходить. Мы уже заметили, что имена, в составе которых имеются географические названия, вроде *Еділ* (Волга) в имени *Еділбай*, даются для того, чтобы отметить этим месторождение ребенка. В действительности же состав слова *Еділбай* недостаточен, чтобы передать мысль, полным выражением которой было бы *Еділде туган бай* «богач (*бай*), родившийся (*туган*) на берегу (местный падеж де) Волги (*Еділ*)».

Но при всем том, что личные имена – это образные выражения, не высказанные прямо и полностью, мы не имеем права допускать отсутствия для них правил словоупотребления, как и не можем применять подобного положения к настоящим образным выражениям – к художественной речи, которая действительно отличается (особенно когда она стихотворна) от обыденной, так называемой «рассудочной», речи своим синтаксисом, морфологией и лексикой, но

¹⁸ По правилам существующей казахской орфографии сложные личные имена, подобные приведенным здесь, пишутся слитно. Мы пишем здесь раздельно лишь для того, чтобы были ясно видны границы оформления составных элементов каждого целого.

тем не менее подчиняется известному закону, более того, задает тон в установлении грамматических законов языка.

Организация лексических элементов, входящие в состав сложных личных имен, не по законам современного казахского синтаксиса вовсе не означает, что тут эти элементы не связаны друг с другом, и отсутствует синтаксис вообще. Элементы словесного выражения напоминают собою элементы графического выражения чисел. Последние имеют не только непосредственное значение, наличное у отдельно взятых цифр: 1, 2, 3 и т. д., но и относительное значение, которое они приобретают и не могут не приобретать, когда сочетаются друг с другом, как в случаях: 123 или 321, или 213 или 231, или $2+1+3$ и т. д. Подобно этому и слова, в отдельности имеющие известное непосредственное значение, находясь в сочетании, вступают в определенные отношения друг с другом и в зависимости от этого приобретают дополнительно относительное значение, что, в конечном счете определяет, уточняет самое собственное значение слова. Благодаря тому, что цифрам придаем не только непосредственное, но и относительное значение, вытекающее из местоположения каждой по отношению к другим, мы в состоянии изобразить на письме бесконечные числа всего лишь десятью знаками. Числа бесконечны. Мы не в состоянии были бы передать их графическим способом, если бы пытались изобразить каждую могущую встречаться в жизни конкретную числовую величину особым знаком, если бы не прибегали к помощи «синтаксиса чисел», используя наличие отношений, в которые вступают числа, когда сочетаются друг с другом. Такая система графического обозначения чисел продиктована нам системой самого словесного обозначения, выработанной логикой вещей в течение тысячелетий в форме десятичной системы (в яфетических языках – двадцатиричной, у шумеров – шестидесятиричной). Подобно упрощенному изображению чисел в графике незначительным количеством цифр, люди упрощенно обозначают и в речи бесконечно разнообразные предметы и явления сравнительно немногочисленными словами. Но это упрощение достигнуто благодаря тому, что словам придаем не только непосредственное, но и относительное значение, ставя их в определенные отношения друг с другом и используя эти отношения в качестве способа выражения. В противном случае мы были бы беспомощны, будучи не в состоянии словесно выразить миллионную долю того, что скрыто в таком речевом упрощении, как самое простейшее предложение.

Подобно тому, как никакое сочетание цифр не может быть свободно от того, чтобы одни члены данного выражения имели то или иное графически выраженное отношение к другим, так и ни одно сочетание слов не может быть свободно от того, чтобы одни слова в нем имели то или иное грамматически выраженное¹⁹ отношение к другим словам. Следовательно, где налицо сочетание слов, там налицо и синтаксис, или, что то же, грамматически выраженное отношение слов друг к другу в сочетании.

¹⁹ Следует понимать грамматическую выраженность не в том, неоправданно узком смысле, как аффиксальная или флексийная оформленность слова. Грамматика наличествует и там, где нет ни флексии, ни агглютинации.

Быть может, все это имеет силу для сочетаний слов, составляющих не личное имя? Быть может, в сложных личных именах слова сочетаются без тех средств связи, которые известны грамматике? На это можно ответить только отрицательно.

Дело в том, что и личные имена, как разновидности речевого выражения, черпают свое богатство из недр языка. Нет в них ничего неязыкового. Подобно тому, как в лексике личных имен нет ничего, что могло бы быть взятым не из словарного фонда языка, так и в выборе средств организации в сочетании лексических элементов, черпаемых из общеязыкового фонда, личные имена не могли освободиться из-под власти грамматической стихии. Подобно тому, как в словесном обозначении предметов, называемых личностями, люди не могли выдумать другие виды обозначения, кроме единственно известного им лексического, причем даже не специально для личных имен созданного, а наличного в словарном инвентаре, так и эти лексические обозначения, состоящие из отдельных кусков, они могли связывать воедино, ставить их в определенные отношения друг к другу только теми средствами, которые им были известны, т. е. средствами синтаксическими.

Так что власть синтаксических законов распространяется и на сочетания слов, составляющих личное имя. Поэтому мы не можем пройти мимо синтаксиса сложных имен. Если же синтаксис известной части сложных личных имен расходится с синтаксисом современным, то это лишь означает, что тут мы имеем дело с синтаксисом несовременным и только. Мы не можем в подобных случаях видеть отсутствие морфологического элемента *-mic* вообще в части собственного имени *Төле-mic* просто потому, что современная морфология казахского языка не знает подобного аффикса. Суффикс этот, наличный в форме *-mic* в южных языках и теперь, являясь синонимом казахского *-ген* – формата причастия прошедшего времени, очевидно, имел место в одном по крайней мере слое казахского языка в прошлом. Другое решение вопроса невозможно. Подобно тому, как в случае с суффиксом *-mic* единственно правильным подходом к решению вопроса является признание существования в прошлом такой морфологии, которая знала суффикс *-mic*, так и в случаях с составными личными именами и другими видами сочетаний, где налицо обратный современному или во всяком случае не свойственный современному порядок слов, единственно правильным подходом к решению вопроса может быть только признание исторической реальности существования в прошлом такого синтаксиса, который знал обратный современному или не свойственный современному порядок слов.

V

К выводу, сделанному выше на основании разбора некоторых архаичных словосочетаний, нас приводят данные и другого рода. Я имею в виду порядок расположения корневых и аффиксальных морфем.

Едва ли можно возразить против давно высказанных в науке положений о том, что современные аффиксы и другие служебные частицы некогда представляли собою корневые слова и только впоследствии утратили свои основные значения, соответственно и прежние звучания. Во всяком случае бесспорно происхождение наших именных и глагольных окончаний от личных местоимений, что впервые

дало повод основоположникам индоевропейского языкознания говорить об агглютинативным происхождении флексии. Мы не можем утверждать, что все флексии агглютинативной природы, так как некоторые из окончаний могут быть органическими частями самих основ, использованными в качестве морфологически самостоятельных единиц в более позднее время, когда флексивный способ уже вошел в быт. Но тем не менее следует считать бесспорным происхождение ряда внешних флексий от агглютинативных прибавок, в свою очередь восходящих к основам, часто местоименным. Таковы падежные окончания прилагательных и некоторые личные окончания глаголов в русском языке.

Я не сомневаюсь, что в недалеком будущем установят генеалогию основных аффиксов и служебных слов и найдут слова, к которым восходят те или иные служебные элементы, как это случилось с грузинским языком благодаря трудам акад. Н. Я. Марра.

Слово «сын», «ребенок» почти повсеместно послужило символом «маленького», став вначале определительным словом «маленький», а затем аффиксом уменьшительности. Так, например, в грузинском «девушка», «дочь» будет *к'алишвили*, дословно означающее «женщина маленькая», или, вернее, «женщина-дитя», ибо слово это не простое, а сложное, состоящее из *кал-и* («женщина») и *швили* («сын», «дитя»). *К'али* в значении «женщина», а *швили* в значении «сын», «дитя» употребляются и в отдельности. Такое описательное обозначение понятия «дочь», «девушка», как «маленькая женщина», или «дитя женщина», свойственно большинству яфетических языков, как это видно из древнеармянского *аури-орд*, баскского *ала-баб*, мегрельского *осури-скуа id*²⁰. Но подобное обозначение, очевидно, свойственно не одним яфетическим языкам. В монгольском языке «дочь», «девушка» будет *кеу-кин*, что означает «маленькая женщина». Различие с монгольским лишь в том, что здесь вторая часть *кин* употребляется только как суффикс уменьшительности, но не употребляется самостоятельно в значении «дитя», «сын», как это имеет место в яфетических языках.

Что суффиксы уменьшительности восходят к слову «дитя», «сын», подтверждается и данными китайского языка. Китайское слово *дзы* (сын, дитя) обозначаемое на письме иероглифом, восходящим в свою очередь к изображению ребенка²¹, одновременно служит и суффиксом уменьшительности, например: *дао* (сабля), а *дао-дза* (нож, т.е. маленькая сабля); *шао* (ковш), а *шао-дза* (ложка); *чэ* (телега), а *чэ-дза* (тачка); *жэнь* (человек), а *жэнь-дза* (рисунок человека) и т. д. Правда, в положении суффикса слово *дзы* звучит несколько иначе, а именно: гласный *ы*, наличный в нем в употреблении как основа, переходит в *а*, когда становится суффиксом (из формы *дзы* переходит в *дза*). Но это настолько

²⁰ См.: Марр Н. Наричательное значение термина «дэра» в митанских женских именах. Л., 1920. С. 173; Блейхиттейнер Р. Субары древнего Востока. Русский перевод. // Язык и история. 1936. № I, II. С. 192.

²¹ В современном китайском письме слово *дзы*, как и суффикс *дза*, обозначается иероглифом 子, а в древности иероглиф имел форму рисунка и изображался так: 𠂇. Тут ясна видна фигура человека. В китайском алфавите насчитывают 608 иероглифов, относящихся к категории изобразительных, а потому называемых китайцами *сян-син* (фигура). Они наглядно изображают предмет. Иероглиф *дзы* относится к этой категории.

незначительное изменение, что никакого сомнения в производности суффикса *дза* от слова *дзы* вызвать не в состоянии. К тому же иероглиф остается одинаковым как для формы *дзы*, так и для формы *дза*.

В китайском языке употребляется несколько аффиксов уменьшительности, как-то: *эр*, *сяо* и другие, все они означают в отдельности «дитя», «мальчик», «сын». Поэтому грамотные китайцы, как и синологи-европейцы, независимо от учения Марра, всегда знали, что суффикс *дза* является не чем иным, как словом *дзы*.

Аналогичные явления встречаются и в казахском. Казахская уменьшительная форма от основы *қыз* (дочь, девушка), *қызалақ*²² (девчонка), несомненно, образована путем прибавления к основе *қыз* слова *олақ*, употребляющегося по сей день в языках Западной Сибири²³ в значении «дитя», «мальчик». Превращение же гласного *о* в гласный *а* – явление чисто фонетическое, вызванное невозможностью сохранения *о* далее первого слога, подобно переходу *о* в *а* в слове *оқшантай* (карман для дроби), которое состоит из *оқ* (заряд) и *шонтай* (мешочек).

Юго-западные языки издавна знают сложный аффикс уменьшительности *жыгаз*, *жықас*, как, например в туркменском *қызжыгаз* (девчонка) от основы *қыз* (фонетической особенности межзубных туркменских свистящихся *с* и *з* не отмечаем из-за отсутствия соответствующих шрифтов, но это не имеет значения для данного случая), в анатолийско-турецком *dal-cifaz* (волосок) от основы *dal*, соответствующей казахскому *тал* (волокно), что свидетельствует о существовании этого суффикса в древнем туркменском, причем как сложного, и у Абу-хаяна в формах *жуқас*, *жукес* в образованиях *құл жуқас*, *ит жукес* – уменьшительных формах²⁴ от основ *құл* (раб) и *ит* (собака). В этом суффиксе уменьшительности я вижу сложение двух аффиксов (хотя специалисты юго-западных языков никакого мнения по этому поводу не высказали); живого по сей день суффикса уменьшительности *жық* и количественного прилагательного *аз* (мало). Как в русском языке и малое по числу, и малое по объему одинаково имеет общий корень «мал» (ср. *мало* и *мелко*) с перегласовкой *мел* в *мел-кий*, так и основа *аз* в турецких языках, очевидно, употреблялось в значении «маленький», отсюда и попала в категорию суффиксов уменьшительности.

Казахское слово *тай* (жеребенок второго года) употребляется в качестве определительного слова к названиям молодняка животных. Правда, там, где оно употребляется, слово уточняет определяемое со стороны возраста, означая всюду

²² Чему соответствует в татарском языке *қызышық*, в шорском – *қызшақ*.

²³ См. шорские примеры на стр. 45 данного сборника.

²⁴ Я обозначил первый гласный суффикс *жуқас* буквой *у*, т. е. губным звуком, потому что автор описывает его с помощью арабского диакритического знака *дамма*, что соответствует краткому губному звуку, обозначаемому нами буквой *у*. Это место у автора Китабул-ль-Эдрак изложено так:

و. فج دعب رارت (ج.ق ن سلا) اهياف - لكج
اى م ريعصنلا ةملاعى سةنلا سةينا مكنلا ةغلا
لوقذى نااا نكاسى اند مسا لك
س كد تا س فدل ق

«... И она (буква. – *Х. Ж.*) прибавляется, закрывая собой слог *saarinatan*, к показателю уменьшительности *жүқ* и *жүк* во всех именах, состоящих из двух звуков (*thanaaji*), у которых второй звук согласный (*saarinath-thaanii*, ст. 156)».

«двухлетний», или «второго года», «годовалый», как это видно из *тай өгіз* (бычок второго года, бык), *тай қашар* (телка второго года), *тайлақ*²⁵ (верблюжонок второго года). В этих же значениях остается основа *тай* без особых определяемых слов, но с суффиксом уменьшительности *-ша, -ке: тайша, тайыниша*²⁶

Но я склонен рассматривать в основном значении слова *тай* не возрастное уточнение, а лишь указание на молодость, так как то же слово я видел бы в суффиксе уменьшительности, ласкательности *тай* в составе *бала-тай* (сын), *ағатай* (братишка), *әке-тай* (папочка), *ана-тай* (сестренка, мамочка), *қалқа-тай* (милая, милый) и т. д. Дело в том, что в возрастной классификации молодых животных казахский язык исходит не из принципа числа прожитых ими лет, а часто использует другие признаки, употребляя иногда синонимы для определения различных возрастов, как это видно из слова *қозы* (ягненок), являющегося фонетическим вариантом монгольского *хоц* (ягненок), туркменского *қош*, алтайского *құша* (баран). Поэтому форма *қозы* превращается в самом казахском в форму *қоша*, в ласкательном оформлении *қошақан*. В слове же *қашар* – телка (от основы *қаш* – быть на случке) – мы видим совершенно иной признак. С представлением о числе могут быть связаны лишь два общих с монгольским термина – *құнан* (трехлетняя лошадь – самец), *дөнен* (четырёхлетняя лошадь – самец), для самок соответственно – *құнажын, дөнежін*, этому дают повод монгольские числительные «3» и «4». Во всем остальном казахский язык возрастную особенность животных отмечает не возрастом, а другими свойствами того или иного возраста, а когда имеются в виду животные слишком малые по возрасту, то определяет «дитя», «малыш», как это видно из слов *лақ, тайлақ* и пр. Поэтому в слове *тай*, сделавшемся показателем двухлетнего возраста животных, я хочу видеть лишь слово «дитя», «малыш», почему встречающееся и в положении суффикса уменьшительности (об этом ниже).

Самым характерным в этом отношении является суффикс уменьшительности *-шақ* (в смягченном оформлении *-шек* с редуцированными гласными *-шық, -шік*, в усеченной форме *-ша/-ше*), наличный в формах: *құлын-шақ* – ласкательная форма от основы *құлын* (жеребенок); *келіншек* (невестка, молодая женщина) от основы *келін* (невеста, сноха); *қап-шық* (мешочек) от *қап* (мешок); *ер-шік* (седло) от *ер* (седло); *өгіз-ше* (бычок) от *өгіз* (бык); *інген-ше* (молодая верблюдица) от *інген* (самка верблюда); *атан-ша* (молодой верблюд – мерин) от *атан* (верблюд – мерин) и т. д.

Я не сомневаюсь в том, что суффикс уменьшительности *шақ* (как и его фонетические разновидности) восходит к слову-имени *шаға* (ребенок, дитя), сохранившемуся в казахском лишь в составе синонимического повтора *бала-шаға*

²⁵ Второй элемент *лақ* в составе слова *тай-лақ* ныне непонятен. Я полагаю, что он тот же, что и в составе слова *қызалақ*, т. е. слово *олақ* (дитя), в свою очередь состоящее из основы *оғл*+суфф. уменьш. *ақ*, как и слово *оғл+ақ* (козленок) (ср., напр., *مۇرتاى وادوز اسنت قىلاغا اد ل غا* М. К), собственно «сын», «детеныш», звучащее в казахском *ұлақ, ылақ, лақ* (козленок), если это не *олаг* (подвода), ср. уйгурское *ат-олақ* (подвода), соответственно казахское *ылау-лау* (подвода), отсюда, быть может, *тайолақ* (маленькая подвода).

²⁶ Основа *тайын* в форме *тай-ын-ша* напоминает древнеуйгурское *тадун*, переведенное М. Кашгарским «бычок» (по-араб. – *табий*). Быть может, она имеет какое-то отношение к своему синониму казахскому *тана*.

(детвора), но зато бытующему в значении «дитя» по сей день в южных языках: туркменском, азербайджанском и др.

Если единственным препятствием этому является наличие в слове-имени *шага* конечного гласного *a*, чего нет в суффиксе *шақ* (оглушение же звонкого *g* в *q* – явление, до сих пор свойственное конечному заднеязычному в казахском), то подобное не должно смущать нас, потому что без такого изменения очень редко обходится переход корневого слова в формальный элемент, как это мы наблюдаем в таких бесспорных случаях, как личные окончания (ср. *-мың*, *-мін*, окончание 1 лица даже просто *м* от *мен* – я). Кроме того, мы знаем, что в ряде слов в монгольском имеются на конце гласные *a*, *e*, в казахском эти гласные выпадают. Ср., например:

монг. *аяга* – каз. *аяқ* (чаша, тарелка),
монг. *екіре* – каз. *егіз* (двойни),
монг. *ере* – каз. *ер* (муж, мужчина),
в сибирских яз. *араха* – в каз. яз. *арақ* (водка, вино),
в алтайском яз. *құша* – в туркменском яз. *қош* (баран) и т.д.

В самом монгольском языке мы знаем укорачивание слово *цаган* – *шаган* (белый) по степени *цақ* и *шақ*²⁷. Казахский послелог ограничения *гана*, известный как суффикс уменьшительности еще из древних памятников в форме *қына*, *қынйа*, в усеченном виде (без конечного *a*) употребляется в казахском как суффикс уменьшительности – ласкательности (*-қан*, *-кен*), как это видим из *бота-қан* (верблюжонок), *бұзау-қан* (теленок), *бала-қан* (сынок) и т. д. Встречаясь в полной форме в образованиях *аз-гана*, (немножко) от *аз* (мало), *кіш-кене* (малюсенький) от *кіш* (маленький), в составе тех же слов с наращением к ним еще одного суффикса уменьшительности *-тай* суффикс *-қана*, *-кене* принимает усеченную форму *-қан*, *-кен*: *аз-ган-тай*, *кіш-кен-тай* (значение то же, что и без суффикса *тай*). Казахское слово *біті-гана* (немножко), образованное от мертвой основы *біті* (маленький дитя); ср. татарское *іті-біті* (размельчать); чувашское *ыдйы-быдйы* (детвора)²⁸, в монгольском будет *біші-кен*, *біші-хан* (малюсенький, немножко), где вместо нашей формы *-қана*, *-кене* встречаем усеченные формы *-кен*, *-қан*

При таком положении вещей едва ли есть смысл считать наличие *a* в конце слова *шага* и отсутствие его в суффиксе *-шақ* препятствием, не позволяющим возводить второе к первому.

Полную форму слова *шага* есть основание восстановить в форме *шаган*, конечный носовой который следует считать выпавшим [...]. Слова «дитя», «ребенок», по данным, установленным Н. Я. Марром, восходят семантически к «солнцу», от которого произведены «свет», «белый», «время», «дитя», «рождение». Именно поэтому встречаем слово *шаган*, *саган* диалектически в звучании *шақ*, *сақ* в монгольском в значении «белый», в форме *шақ* в турецких и монгольских – «время», в форме же *шага* в турецких – «дитя». Казахское слово *шаңқан* (белый)

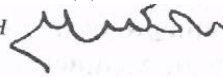
²⁷ См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Л., 1929.

²⁸ Исходя из наличия шрифтов в типографии, чувашскую редуцированную *a* передаем через *ы* и чувашское иотированное *д* – через сочетание *дй*.

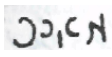
есть лишь назализованный вариант монгольского *шаган*, как и казахский *шагын* «небольшой», «маленький» (что, как известно, восходит к «дитя»), являясь его редуцированным вариантом, представляет полную форму слова *шага*. Редукция последнего гласного налицо в новоуйгурском *шақы* в составе повтора *бала-шақы* (детвора).

Подобно тому, как мы встречаем послелог предела со значением «до» в твердом и мягком вариантах (татарское *шақ-лы, шік-лі* – «до», соответствующее казахскому *шейін, шегін id.*, как и казахское *дейін* – «до», по Codex Cumanicus, соответствует татарскому *тіклі* – «до»), слово *шаган* (дитя), очевидно, имело две формы звучания; твердую – *шаган, шагын* и мягкую – *шеген, шегін*, с нешипящей же разновидностью последней формы *тегін*.

Младший сын – хранитель домашнего очага, или «огня дома» –

в монг. языке будет *од-хан* , или *од-шегін*

од-тегін, в которых первые элементы *од* означают «огонь», а второе сообразно с позднейшими известными из письменных памятников и живого языка значениями воспринимаются обычно как «хан» и «принц».

В целом сочетание *одхан, одшегін (одтегін)* переводятся таким образом, как «хан огня», «принц огня». Я не разделяю такой интерпретации и вот почему. Слово «хан» в монгольском письме всегда пишется как *хаган*, как оно писалось, очевидно, и звучало у орхонцев в форме *қаған* . Если бы в составе *одхан* последняя часть действительно означала «хан», тогда она писалась бы *хаган*, но этого мы не имеем, *одхан* пишется так же, как в упомянутом выше слове *біші-хан*, где частицу *хан* или *кен* вполне законно принимают за суффикс уменьшительности, как и в составе *кеу-кен, хихың* (девушка, букв. маленькая женщина, или, вернее, женщина-дитя). Поэтому следует частицу *хан* во всех этих случаях принимать за суффикс уменьшительности, как она выступает суффиксом уменьшительности в форме *қан* в казахском. Тогда *одхан* будет «дитя огня». Слово *тегін*, звучащее в составе монгольского *од-шегін* с шипящим начальным согласным (наряду с формой *од-тегін*), означало действительно «принц», «царевич». Я отнесу к категории обычных народных этимологий приведенную по поводу этого М. Кашгарским лингвистическую легенду²⁹ о том, что *тегін* раньше было прозвищем или именем раба, а потом стало означать «царский сын».

²⁹ Кашгарский М. *Divanu Lughat*. Том 1, С. 297. Подлинный текст объяснения М. Кашгарского гласит:

تکتہ دیعلا مسال صلا ای ف و صد و نیکتہ غمچ
ع مد و صد و تیناقاخلا انیلا ایفل ک لذ ر ب ص د م
س ایقلا ریندی لء هادلد ۷۹۲ م

«*тегін* – множ. число от *тегін*. Оно вначале (*Тіл-атсілу*) было именем раба, потом превратилось в прозвище для сыновей хаканов. И оно является формой множественного числа, не имеющей себе аналогии». (М.К., 1, 297).

В другом месте того же сочинения читаем:

ل ع ج م ڈ تعلقا ل ص ا ی ف س ل ا - ر ی ل ت ه م س ل ا ا د
ت م س د تیناقا احلا ء انبلا تصح

«*тегін* – в первоначальном употреблении – раб. Потом это имя сделалось специальным титулом (*simat-a-n*) хаканских сыновей».

Буквальный перевод слова *тегін* в современном смысле был бы «знатного происхождения» от основы *тек* (род, происхождение). Вторая часть – *ін* – могла быть или органической частью основы, если допустить, что она есть полное ее оформление, или же суффиксом древнего инструментального падежа, если видеть в слове *тегін* позднейшее образование. В последнем случае оно означало бы «с происхождением», т.е. «имеющий происхождение, род», как и татарский послелог *тік-лі*, соответствующий казахскому *дейін*, кипчакскому *тейін*, восходящие к *тегін* [ср. формы *тегірі*, *дегірі*, где основой выступает *тег*, а *рі* есть суффикс направительного падежа, входящей в состав древнего сложного суффикса *-қа, -ру, -ке, -ру*, сохранившийся в казахском *ішкері* (внутри), *тысқары* (вне), *ілгері* (перед), в анатолийско-турецком – *ише-ри, дис-а-ри, ил-е-ри*]. В современном казахском языке форма с суффиксом обладания (*-лы, -ты*) *тек-ті* (букв. имеющий происхождение, род) и *тек-сіз* (букв. не имеющий происхождения, рода) соответственно означают: «имеющий знатное происхождение, род», «не имеющий знатного происхождения».

Но какое имеют отношение понятия «происхождение», «род» к слову «дитя», «малыш», «маленький», а затем к суффиксу уменьшительности, тем более послелогу предела?

[...] Семантический путь, совершенный представлением о «дитяти», «маленьком», таков: «племя» гесп. «род», «потомство» гесп. «дитя», «маленькое»; или же «дитя», «потомство», «размножение», «род» (племя).

Данное положение [...] подтверждается [...] материалами тюркских языков. В тувинском языке слово *рүг* (*үрүг*) означает и «род», и «племя», и «дитя», и «потомство». Казахский использует кипчакский вариант звучания этого слова *ру, үру* в значении «рода», «племени», а уйгурский вариант *urufj* – в значении «потомства», «зародыша», «семени». Казахское слово *үргашы* (самка, женщина) поэтому я понимаю как образование, состоящее из слова *үрүг* (род + потомство + дитя), наращенного суффиксом производителя или действующего лица *-шы*, восстановив, таким образом, праформу этого слова, как *үрүг-шы* (производительница рода + потомства + дитяти). Подобно тому, как слово *бүрүн* (раньше, прежде, перед), восходящее к *мүрүн* (нос), встречалось и в отдельности в форме *бүрна*³⁰, как и в производном образовании *бүрна-гы күн* (позавчера), где переместился второй *ү* основы на конец (*бүрүн* -> *бүрнү*), а затем превратился в негубной открытый гласный а (*бүрнү* -> *бүрна*) ввиду невозможности сохранения губных гласных далее первого слога, так и из формы *үрүг* образовалась *үрга* (*үрүг* -> *үргү* -> *үрга*) и с присоединением суффикса *-шы* приняла вид *үргашы*³¹.

Допуская двойное значение «род» + «дитя» и для слова *тек-тег* (какое и имели мы у его синонима *үрүг*), мы получаем возможность дальнейшего использования языком этого слова для образования служебных элементов: а) суффикса сравнения, уподобления и б) суффикса уменьшительности, неразрывной от категории ласкательности.

³⁰ В «Шебани-наме» Мухаммед Салиха слово *бүрүн* встречаем несколько раз в форме *бүрна*.

³¹ При правдоподобности такой этимологизации слова *үргашы* следовало бы пересмотреть и существующие объяснения слова *үрагут*, быть может, и *arvat*, принимаемых за арабское *avrat* (женщина).

Казахский суффикс сравнения *-дей* (*-дай*, *-тей*, *-тай*), звучащий у современных уйгуров и узбеков как *-тек*, *-дек* и *-дақ*, а в орхонских надписях в одной только форме *-тег* (*тәңритег* – подобно небу), восходит к слову *тег* (род, происхождение). Уподобление одного предмета другому, по-видимому, представлялось раньше как установление общего происхождения обоих предметов, единства рода обоих, т. е. чтобы сказать «подобно лошади», «подобно горе» прежние люди имели в своем распоряжении единственное выражение: «лошадиного рода», «горного происхождения», как это имеет место отчасти в русском и немецком языках (ср. обороты «такого рода действие» в значении «действие, подобное такому», или идентичное употребление слова *Art* в немецком). Исходя из того, что слово *тек* могло означать и происхождение (род), и употребляться как послелог уподобления – «подобно», я считаю более вероятным перевод начала траферетной формулы орхонских надписей: *Тәңрі тег тәңриде болмыс* (... не как «подобны небу, из существа неба созданный...»), а как «небесного происхождения – рода, из существа неба созданный»...).

Во всяком случае сама это возможность двойко передавать значение *тек* (и как «род», и как «подобно») говорит о близости друг к другу значений «подобно» и «род».

Слово *тек* (род), имея значение «дитя», «маленький», могло стать морфологическим символом «дитяти», «маленького» – суффиксом уменьшительности. Подобно тому, как в уйгурском, подчиняясь твердости звуков основы, слово *тег*, *тек* в употреблении в качестве суффикса уподобления превратилось в *дақ*, так и в казахском оно могло принимать две формы: твердую – *тай*, *дай* и мягкую – *тей*, *дей*.

В случае с суффиксом уподобления это будут формы: *ат-тай* (как лошадь), *шөп-тей* (как трава), *кісі-дей* (как человек). В случае же с суффиксом уменьшительности-ласкательности это есть вышеупомянутый – *тай* в составе *бала-тай* (сын), *аға-тай* (братишка) и т.д. Уйгурско-чагатайские *к*, *г* соответствуют в подобных случаях казахскому звуку *й*.

Поэтому вполне законно оформление суффикса уменьшительности, происходящего из формы *тег*, в виде *-тей* (ср. тебетей – тубетейка; *төбе*-верх, голова, макушка + *тей* – суфф. уменьшительности). Правда, этот суффикс уменьшительности больше встречается в твердой форме *-тай*, что может вызвать сомнение в его происхождении от *тег* ввиду значительного фонетического расхождения этих двух форм. Но подобное сомнение должно рассеяться, если вспомнить, что в казахском языке все суффиксы должны иметь от двух до шести фонетических вариантов, чтобы быть суффиксом, т. е. морфологическом элементом, в звуковом отношении подчиняющимся основе. Поэтому заранее мы должны согласиться с тем, что какое-либо корневое слово, став аффиксом, будет употребляться в нескольких разновидностях, из которых, быть может, лишь одна в состоянии будет напоминать звуковую фигуру своего прототипа, и то значительно расходящуюся с ним.

Итак, суффиксы уменьшительности *-тай* (изредка *-тей*) и уподобления *-тей*, *-дей*, *-тай*, *-дай* одинаково восходят к одному слову *тег*, *тек*, означающему теперь «род», «происхождение», а прежде, по-видимому, и «дитя», «мальш», «маленький».

Я лично полагаю, что форма тег представляет собой усеченный вид, в полном же оформлении она, должно быть, звучала *тегін*, в каком мы ее застаем в значении «царский сын», что первоначально, когда еще на свете не было ни «царей», ни, следовательно, «царевичей», означало просто «сын», «дитя».

Именно по этой семантической природе своей слова *тег* и *тегін* повторяют все фонетические формы, как и значения и морфологические службы упомянутых выше слов *шақ*, *шаған*. Как первое, так и второе слово употребляется и в значении «дитя» (*шаға* и *тегін*), и в качестве суффикса уменьшительности (*-шақ*, *-шек*, *-шық*, *-шік*, *-ша*, *-ше* и *-тай*, *-тей*), и суффикса уподобления (*-дай*, *-дей*, *-тай*, *-тей* и *-ша*, *-ше*), и послелога предела (казахское *шейін* и *дейін*, татарское *шақлы* и *тіклі*). То, что монгольское слово *одтегін* звучит и в форме *одшегін* (младший сын), объяснимо этой общей их природой. Существование полной формы *шақ* и *шаға* в виде *шаған* и *шек* в виде *шеген*, *шегін* подтверждается тем, что казахское слово *ем-шек* (женская грудь) в монгольском звучит *еб-шігун id*, где первая часть *еб*, соответствующая казахской глагольной основе *ем* «сосать» (кормилица-мать), в форме *еме* в монгольском означает «мать», а вторая часть *шек* (*шегін*) в казахском и *шігун* в монгольском, будучи суффиксом уменьшительности, представляет собою слово, с которым уже имели дело, *шегін-тегін* (дитя), отсюда «маленький». В целом казахское *ем-шек* – монгольское *еб-шігун*, означающее теперь «женская грудь», некогда представлялись как «дитя-мать», т. е. «детская мать», «маленькая мать».

Не входя здесь в подробности, можно лишь заметить, что само слово *тегін* или *шегін*³² не простое, а сложное, состоящее из двух слов-синонимов, из которых второе то же, что и отдельно употребляющийся суффикс уменьшительности *-ген*, *-гін*, *-ган*. Иными словами, тут налицо факт скрещения.

³² Употребление этих слов в качестве послелога предела, на чем мы здесь не остановились, объясняется легче всего опять-таки татарскими их формами *шақ-лы*, *шік-лі*, *тік-лі*, *са*, *сә* со значением «до» наряду с позднейшим по времени употреблением в том же значении образования *хәт-лі* с арабским корнем *had* (грань, граница, предел). В татарском *шік*, в казахском *шек* означает то же, что и в арабском *had* (предел, граница). Следовательно, татарское выражение *апрельден майғаша*, *майға шіклі* и пр. «с апреля до мая» иначе означает: «временем, начинающимся апрелем и граничащим маем». Что в казахской форме *шейін* действительно присутствует слово *шек* (граница, предел), это видно из словоупотребления северных казахов, у которых слово *шейін* звучит *шекейін*. Означая предел, границу действия или другой величины, как русское «до», так и казахские и татарские его эквиваленты всегда означают в то же время амплитуду колебания чего-то до каких-то размеров, а потому у них налицо оттенок приблизительности, передаваемый в русском языке словом «около» и заменяемый в казахском и татарском языках суффиксом сравнения: каз. *-дей*, *-дай*, *-тей*, *-тай*, тат. *-di*; русское около десяти – каз. *он шақты*, тат. *ун хәтлі*; [русское] ходил до дома – каз. *үйге шейін жүрдім*, тат. *үйгә тіклә йордем*; русское этакий – каз. *мұн-дай*, *бұл сықылды*, *бұл сияқты*, тат. *бонди*, *бұ хәтле*, *бұның секелді*. Как видно из этого, послелоги: каз. *шақ-ты*, *шейін*, тат. *шақлы*, *шікле*, *текле* – употребляются не только в значении собственно предела, но и в значении сравнения. Поэтому-то русское «весом в 1 килограмм» (оттенок приблизительности) по-казахски будет *салмағы бір килограм-дай*, что означает букв. «его вес похож на килограмм» или же «приблизительно столько же, сколько весит 1 килограмм», а выражение *үй-дей жерге жүрдім* – «совершил столько расстояния, сколько отсюда до дома», «сходил на расстояние, похожее на дом». О значении «мера» для *шақ* и о производности от последнего анатолийско-турецкого суффикса уподобления *ca/se* см. Самойлович А. Н. Краткая грамматика османско-турецкого языка, стр. 35-36 и 95, о том, что суффикс *ca/se*, наличный в анатолийско-турецких герундивах типа *gelence*, соответствующий казахскому суффиксу предела *ша/ше* в *барғанша*, восходит к слову *шақ* (время), см. Смирнов. Кочубей Гюмюрджинский о причинах падения Османской империи.

Резюмируя сказанное выше о суффиксе *-шақ*, *-шек*, можно сказать, что обе эти формы суть усеченные разновидности, полной их разновидностью следует считать для *шақ* слово *шаған*, *шаға* (дитя), а для *-шек* – форму *шегін* = *шігүн*, как в монгольском *еб-шігүн* = каз. *ем-шек* (женская грудь), наличную в значении «сына», «дитяти», в монгольском *од-шегін*, *од-тегін* (младший сын), в отдельности *тегін* (царский сын)³³.

Если согласиться с положением о том, что суффикс уменьшительности *-шақ/-шек*, *-шық/-шік*, *-ша/-ше* восходит к слову «дитя», отсюда «маленький» (ср. каз. *шағын* – «маленький»), то следует принять такие морфологические образования, как *құлын-шақ* (жеребеночек) и *келін-шек* (невесточка), за образования синтаксические, за синтаксические сочетания, состоящие каждое из двух слов: *құлын-шақ* (жеребенок-дитя, жеребенок маленький) и *келін-шек* (невеста-дитя, невеста маленькая). Само собой разумеется, что в каждом из этих сочетаний, имеющих в своем составе по два слова, мы должны видеть соответственно и по два члена предложения – определяемому и определению. Не может быть сомнения, что определением явилось слово «маленький» – *-шақ/-шек*, а *құлын* и *келін* были определяемыми.

Вот здесь ясно видно место прежнего определения, которое не предшествовало своему определяемому, а следовало за ним. Казахский язык до сих пор знает употребление слова *бала* (дитя) в значении «молодой», «маленький» в роли определения к какому-либо другому слову, в конечном счете в значении суффикса уменьшительности, как, например, *бала қаз* (гусенок), по значению же составляющих данное сочетание слов – «дитя гусь», т. е. «молодой гусь», «маленький гусь». Такое образование понятия уменьшительности ничем не отличается от тех, о которых мы уже говорили – «невеста – дитя», «жеребенок – дитя», как и от китайского *дао-дза* (сабля-дитя, нож), грузинского *к'али-швили* (женщина -дитя). Различие лишь в одном – в порядке расположения членов предложения. В казахских окаменевших синтаксических образованиях: *құлын-шақ*, *келін-шек* и других, ставших теперь образованиями морфологическими, как и в китайском *дао-дза*, в грузинском *к'али-швили*, определительные слова *шақ*, *шек*, *дза*, *швили* следуют за определяемыми *құлын*, *келін*, *дао*, *к'али*, в то время как в современном сочетании *бала қаз* определительное слово *бала* предшествует определяемому *қаз*.

VI

В работе доложенной на Первом казахстанском краеведческом съезде в 1930 г., посвященной разбору «Скотоводческих междометий казахов», не по моей вине не видевшей света³⁴ до сих пор, мне удалось было обосновать составность

³³ Вопрос о природе суффиксов уменьшительности и их связи со словом «дитя», как и лексические варианты этого последнего нами освещаются в данной статье попутно, а потому слишком отрывочно. Подробный разбор этой темы будет сделан в особой работе, еще не опубликованной, но написанной и доложенной 6 лет тому назад (1930 г.) на I краеведческом съезде Казахстана в Алма-Ате.

³⁴ Работа это, по постановлению съезда подлежащая опубликованию и сданная мною для печатания, была затеряна в делах «Общества изучения Казахстана». Перед тем, как я ее доложил на съезде, она была читана в Яфетическом институте Академии наук СССР. Письменный отзыв Н. Я. Марра об этой работе хранится в моем личном деле в Комитете кадров АН СССР.

названий животных – племенных производителей, в частности, слова: *қошқар* – баран (М. К. – قوشقار) и *айғыр* (в орхонских – *адғыр* 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 , в древнеуйгурском ساقبىر , в хакасском – *адсыр* / - > *асқыр*, в коттском – *асқар*, в якутском – *аты:р*, в чувашском – *айар*) – жеребец первоначально состояли каждое из двух слов: *қошқар* из *қош* + *қар*, *айғыр* из *ай*+*ғыр*, где *қош*, употребляющееся самостоятельно как слово-обращение к овце и являющееся составной частью слова *қошақан* (уменьшительно-ласкательная форма от слова «ягненок»), с редукцией а в ы и превращением шипящего с в свистящий з (*қозы* – ягненок) означало просто «овца» (ср. самостоятельное употребление данного слова в форме *қош* в туркменском в значении «баран»), а первая часть слова *айғыр* (жеребец), оформленная по закону кипчакской фонетики, именно *ай*, которая звучала бы по нормам орхонских [надписей], древнеуйгурского, тувинского [языков] – *ад*, хакасского – *ас*, *аз*, якутского – *ат*, означает просто «лошадь». Вторые же части слов – *-гар*, *қыр* – представляют собой фонетические разновидности, сохранившие начальный заднеязычный согласный чувашского слова *ар*, казахского *ер* (мужчина, самец). Таким образом, казахские названия самцов – племенных производителей – барана и жеребца в буквальном смысле означают «овца-самец», «лошадь-самец».

Если против подобного положения могут быть какие-либо возражения, то это лишь то, что слова *ар=ер* (мужчина, самец) нигде не встречаются ни с начальным заднеязычным согласным *қ=г* (*қар*, *гар*), ни с гласным редуцированным *-ы* (*ыр*). Но едва ли такое возражение заслуживает внимания.

Во-первых, гласный а чередуется с ы всюду, где мы имеем дело с более древними образованиями, обнаруживаемыми в самом казахском языке. Ср., например, *қай-шы* (ножницы) и *қый* (резать), *сыйақ-ты* – послелог (подобный, по образу) и *сыйық* (образ, подобие), *дауыс* (голос), *дабыс* (слава) и *дыбыс* (звук, голос), *дабыл* (сигнальный барабан, сигнал, весть) и *дыбыл* (сигнал, весть), *сатыр* (сильный шум, грохот) и *сытыр* (слабый шум), *жалт* (сильный блеск) и *жылт* (слабый блеск). Анатолийско-турецкий *сарсық* (потрясенный) и казахское *сарсаң* (в сочетании *әуре сарсаң*), *жар* (вскрыть, расколоть) и *жыр* (то же в уменьшенном размере); *шалқы* (разливаться о воде и жидкости вообще) и *шылқы* *id*³⁵ (в более слабом виде) и т. п. В самом комплексе *қар*, *қыр* (в коттском *қар* вместо казахского *ғыр*: *айғыр* – *асқар*) мы имеем чередование этих гласных. В якутском и чувашском наличны формы без начальных заднеязычных согласных *ыр*, *ар* (якут. *аты: р*, чуваш. *айар*).

³⁵ Большинство из приведенных здесь слов относится к категории так называемых онематопоэтических, кинематопоэтических и светоподражательных слов. Проф. Ашмарин в своей работе «Подражания в языках Среднего Поволжья» приходит к выводу, что почти все слова восходят к этим подражательным выражениям, и старается тем самым обосновать на материале турецких и финских языков допотопную теорию происхождения языка от подражания природе.

Но при внимательном подходе к этим образованиям оказывается, что ничего подражательного в них нет. Это своеобразная форма словообразования, применяемая для изображения подвижных явлений с дифференциацией их на короткие по времени или длительные и на однородные и разнородные. Основными областями, охватываемыми этим видом словообразования, являются основные разделы физики: движение, звук, свет. Характерно здесь то, что явления более сильные отмечаются открытыми гласными, а слабые – слабыми. Свои исследования по данному вопросу надеюсь опубликовать в недалеком будущем.

Различие звучания между чувашским *ар* (самец) и *ар* в *айар* (жеребец) только в том, что *а* в первом *ар* полный, а во втором редуцированный. Вопрос о склонности начальных заднеязычных к выпадению решается положительно не только яфетической теорией, но и достаточно разрешен трудами Шотта «Altaische Studien» и Г. Вамбери «Etimologisches Wörterbuch der Tuerksprachen». Отдельных недостатков в работе этих авторов отчасти касались мы в сборнике Трудов КНИИК (Алма-Ата, 1935, кн. I, стр. 12–13).

Что же касается возможности языкового восприятия жеребцов, как самцов тех или иных животных, то достаточно вспомнить М. Кашгарского, который в своем словаре дает слово *еркеж* (козел*ارکج انکي*, букв. мужчина-коза), подтвердив правильность этого формулой народной медицины своего времени (XI в.): *еркеж еті ем болұр, ешку еті йел болұр*³⁶

اجكو اتى يل بلور
..... ارکج اتى ام بلور

(мясо козла целебно, мясо же козы вызывает воспаление, т. I, стр. 87).

Образование, аналогичное древнеуйгурскому *еркеж* (самец коза), налицо и в современных языках. Так, в татарском «козел» будет *ата кәжә*, «баран» – *ата сарық*, «самец гуся» – *ата қаз*, буквальный перевод будет «отец-коза», «отец-овца», «отец-гусь». Различие между древнеуйгурскими и татарскими формами лишь в том, что первый употребляет слово «самец», «мужчина», тогда как второй использует слово «отец». В конечном счете различий между ними нет, ибо «отец», как противоположность «матери+женщины», представляет то же самое, что и «мужчина».

Есть все основания полагать образованием более поздним якутское *атыр огыс* (жеребец-бык) в значении «бугай». Подобное наречие поименного самца изредка дает знать и казахский язык в сочетании *айгыр тауық* (жеребец-курица), т.е. «петух» наряду с более ходкими *әтеш* и *қораз id.* Первое из последних заимствовано у татар, а второе – у иранцев (*xoroos*).

Казахское и татарское *әтеш* буквально означает «маленький отец» (от *ата* «отец»+ суфф. уменьш. *-и*), что в грузинском будет просто «отец» – *tamal* (петух), полная форма от *tata* (отец).

Своеобразным среди всех самцов обозначено казахское *теке* (козел), означающее, по всей вероятности, просто «отец», «мужчина». Слово *теке* налицо и в составе *қыз теке* (гермафродит, букв. девушка-мужчина или девушка-отец), если в *теке* видеть скрещение основных знаменательных элементов (без детерминативов *а, е, ә*) двух слов-синонимов: *а-та* и *ә-ке*. Оба со значением «отец», он же «муж», следовательно, «мужчина». В грузинском почти в таком же порядке образовано слово *карабише* (гермафродит, букв. женщина-мужчина или женщина-мальчик).

«Самец собаки» в казахском будет *арлан*, что, очевидно, состоит из двух слов, первое из которых *ар*, несомненно, «мужчина»=«самец», как и древнеуйгурское *еркеж*. Вторая часть – *лан*, очевидно, означала «собака».

³⁶ Вторая часть данной формулы сохранилась в точности и у казахов в соответствующем фонетическом оформлении: *Ешкі еті жел болар*. Первая же часть, где говорится о «козле», казахскому языку не известна.

Таким образом, слова *қош-қар* (баран) и *ай-ғыр* (жеребец), по нашему мнению, образованы в том же порядке, в каком древнеуйгурское *еркеж* (козел), татарское *ата сарық*, но с тем лишь различием, что определительные слова вторых: *ер* (самец) и *ата* (отец) – предшествуют определяемым *кеж* (коза) и *сарық* (овца), в то время как в более древних образованиях, превратившихся лексически и морфологически в единое слово *қош-қар* и *ай-ғыр*, определения *қар* и *ғыр*, долженствующие означать «самец», напротив, следуют за своими определяемыми: *қош* (овца) и *ай* (лошадь).

Во всех описанных случаях, таким образом, мы видим не свойственный современному казахскому синтаксису порядок расположения слов, допускающий предшествование определяемого определению, что нельзя не считать пережитком некогда имевшей место синтаксической структуры.

VII

Тот же самый обратный современному порядок расположения членов предложения с еще большей убедительностью выступает в размещении подлежащего и сказуемого. Железный закон современного синтаксиса, ни в коей мере не допускающий подлежащего, следующего за своим сказуемым, разбивается, когда вместо современного синтаксиса выступает древняя форма сочетаний, отложившаяся в слившихся, и превратившихся из синтаксических в морфологические, образованиях.

Имена и глаголы, снабженные личными местоименными предикативными аффиксами, суть целые предложения, подлежащими которых выступают личные местоимения, а сказуемыми – глаголы или имена, к которым прибавляются личные окончания. Такие формы, как *жақсы-сың* (ты хорош), *жазар-мын* (я напишу), содержат в себе все признаки предложения, в котором теперешние окончания, бывшие некогда самостоятельными местоимениями, *сың* из *сен*, *мын* из *мен*, очевидно, были подлежащими, а слова *жақсы* и *жазар* – сказуемыми.

Если согласиться с положением, что аффиксы спряжения восходят к личным местоимениям (не согласиться же с этим, конечно, нельзя), то вместе с тем мы должны согласиться с другим, вытекающим отсюда, что современные личные глаголы, как и имена, снабженные предикативными аффиксами, суть морфологизированные лишь впоследствии, законченные синтаксические единицы-предложения, причем предложения полные со всеми главными членами: подлежащим и сказуемым³⁷. Функции сказуемого в этих предложениях отправляли причастные *жазған-(мын)*, *жазар-(мын)* и деепричастные *жазып-(нын)*, *жаза-(мын)* формы глаголов или основы имен *жақсы-(мын)*. Как видно, в таком предложении подлежащие *мын (нын)* стоят последними, в то время как сказуемые (*жазған, жазар, жазып, жаза, жақсы*) занимают место впереди подлежащего.

Итак, то о чем шла речь впереди по вопросу о порядке расположения определений с определяемыми, находит полную аналогию и в позициях

³⁷ Считаю излишним подробный [разбор] этого вопроса, так как он уже раз был затронут в казахской лингвистической литературе. См.: Труды КНИИК. 1935. Т. 1.

подлежащего со сказуемым³⁸. Очевидно, излишне после всего этого всякое сомнение в том, что ранее существовал диаметрально противоположный теперешнему порядок слов в предложении.

VIII

Что же послужило поводом к совершению подобного переворота в порядке размещения членов предложения и когда этот процесс произошел?

Жизнь языка, в частности продолжительность сохранения того или иного его грамматического строя, измеряется не обычными для поздних исторических событий отрезками времени, вроде десятилетий и даже столетий. Это дело тысячелетий. Насколько долго пребывает язык в одной и той же грамматической системе, не переходя в другую, об этом можно составить себе представление по ходу типологического развития индоевропейских языков, наиболее изученных и изученных с избытком документальности. Ни один из представителей этих языков, как бы древен он ни был по дате зафиксировавших его документов (а ведь первые письменные памятники языков этой группы появились за несколько столетий до начала христианской эры), не оставил нам свидетельств, говорящих об ином строе, чем тот, что господствует теперь – флективный. Поэтому-то у ученых, изучающих эти языки, даже фантазия не дошла до возможности существования какого-либо индоевропейского языка с иным строем, чем флективный. Даже самое фантастичное из всего могущего быть фантастичным – праязык индоевропейский, сконструированный учеными и существовавший, по мнению одного из корифеев современного буржуазного языкознания А. Мейе³⁹, в период каменного века культуры индоевропейцев, даже он, индоевропейский праязык, признается флективным. При всей фантастичности представлений индоевропейцев о построении праязыка все же мы имеем дело в данном случае с одним, далеко не фантастичным, фактом, это с документами – письменными памятниками, ни один из которых не был флективным. И с этим нельзя не считаться. Очевидно, при всем том, что язык изменяется, что изменялись и индоевропейские языки, все же они, эти языки, довольно долгое время, в течение целых десятков столетий, продолжают в основном оставаться типологически такими же, какими застали их самые ранние памятники.

Если в Европе и значительной части Азии, где общественная жизнь протекала наиболее интенсивно, где технические средства производства и общественные формы претерпевали ряд значительных перемен, языки в своей грамматической жизни так медленно двигались, то более короткую длительность смен грамматических типов едва ли есть основание предполагать для языков остальной части света.

³⁸ Нам кажется, что и русские личные глаголы не чужды подобного развития. В окончаниях *м* и *т* глаголов *пише-м* и *пише-т* мы бы видели личные *resp.* указательные (когда речь идет о III л.) местоимения «мы», «ты», ослабленные до степени одного согласного. В таком случае эти формы следовало бы восстановить как *пише+мы* и *пише+ты*. Ограничимся этими кустарными гипотезами, подождем веского слова славистов.

³⁹ Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Русский перевод. 1913. С. 45.

Нет основания считать и казахский язык пребывающим беспримерно короткое время в том морфологическом и синтаксическом строе, который характерен для него и теперь. Таким образом, эпоху перемещения порядка слов в предложении казахского языка, вернее тех языков, которые сыграли ведущую роль при образовании казахского языка, придется отнести на значительно более ранний период. Мне кажется, что это была эпоха, которая ознаменована крупным событием для истории языка, именно эпоха разложения аморфно-синтетического строя и перехода его в агглютинативный. Синтетический строй, представляющий собой значительно высокий этап грамматического развития, характеризуется строгим порядком слов, уточнявшим как положение слов по отношению к другим словам, так и собственное значение отдельных слов, что впервые значительно освободило слово от хаотического, на наш взгляд, первичного полисемантизма. И строгий порядок слов, имевший место в языках, из которых образовался наш язык, отличался, как видно из размещения сегодняшних суффиксов и основ, постановкой определения позади определяемого и подлежащего позади сказуемого.

Если местоположение суффиксов говорит нам о прежней постпозитивности определения и подлежащего, то само отложение прежних определения и подлежащего в виде суффиксов говорит о причине перемещения их позиций. Определительные слова ввиду частого употребления в сочетании с определяемым словом сливаются с последним в одну лексическую единицу и образуют символический элемент – суффикс. При необходимости уточнить и далее данное определяемое слово другим определительным словом последнее, вытесненное образовавшимся на его месте суффиксом, находит себе позицию, единственно свободную и прилегающую к своему определяемому, т.е. предшествующую ему. Прекрасным примером подобного перемещения слов является китайское сочетание с *дао-дао дза* («ножик» или «ножичек», букв. «дитя» (маленькая) – «сабля – дитя»), где *дао* (сабля), а с суффиксом *дза* (восходящим к *дзы* – «сын») – «нож», т. е. «сабля-дитя» – «маленькая сабля»; второе же определение *дао* (маленький), указывающее на еще меньшую величину уже раз уменьшенного предмета *дао-дза* (нож), не могло поместиться далеко от определяемого слово (*дао*) и перешло к началу *дао-дао-дза*. Очевидно, в таком же порядке переместились определения и в казахском языке, т. е. переместились после и в силу того, что их места были заняты суффиксом.

То, что агглютинативные приставки в нашем языке носят исключительно суффиксальный, т.е. постпозитивный, характер, объясняется именно тем, что они образовались либо из определений, либо же подлежащих, которые ранее находились после слов, к которым они относились.

Заканчивая настоящее предварительное сообщение, я считаю себя обязанным извиниться перед читателями за небрежности в ссылках на источники. Работа выполнена при отсутствии под руками книг, из которых ранее черпал материалы. Поэтому нельзя было в ряде случаев указать на страницы книг, откуда взят материал. Могут быть также некоторые орфографические неточности в цитатах. Многие из использованных здесь книг, как-то: «*Divanu Lugat*» М. Кашгарского (Стамбульское издание), «*Kitab al-idrak li-Lisan al-Atrak*» Абу-Хаяна Альгарнаты (первое Стамбульское издание), «*Kitabu halijatul lisaan ve halebe-tu-l-insaan*» Ибн-Муханны (Стамбульское изд. и изд. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком

языке»), «Кочубей Гюмюрджинский» Смирнова, «Подражание в языках Среднего Поволжья» Ашмарина, «Сравнительная грамматика монгольского письменного и народного халкасского языков» Владимирцова, ряд статей Н. Поппе и Б. Я. Владимирцова по монгольскому языку и другие – мною прочитаны еще в 1929 и 1930 годах в Ленинграде и с тех пор я их не видел. Тем не менее я не мог не сослаться (местами даже цитировал по памяти) на них, поскольку ими пользовался.

Считаю, что при отсутствии исследований по казахскому языку нецелесообразно было бы задерживать опубликование работы из-за чисто литературных формальностей.

ЗАМЕТКИ О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛАХ¹

Сложное настоящее

В одной из своих замечательных работ² акад. Н. Я. Марр охарактеризовал особенность категории глаголов грузинского языка следующими словами: «...das Georgische ist so voll vom Zeitwort, das man zu zeifeln beginnt, ob dieser Redeteil wirklich das Verbum ist? In der Tat das georgische Zeitwort ist mehr als Verbum»³ – «...грузинский (язык) так полон глаголообразных слов⁴, что начинаешь сомневаться, глагол ли в действительности данная часть речи или нет?

На самом деле грузинский глагол это нечто большее, чем глагол».

Являясь по строю типичным агглютинативным, с довольно значительным сохранением следов синтетизма, казахский язык переживает ту стадию морфологической зрелости, которая делает категорию его глаголов запутанной не менее, чем в грузинском языке. Сколько одних времен в казахском! Сколько в особенности тех уточнений хода и условия действия, которые напоминают виды славянских языков, но не тождественны с ними! Часто бывает трудно установить, имеем ли дело с наращениями одного глагола или же с целым сочетанием слов синтаксического порядка. В последнем же случае нелегко узнать, где кончается один глагол и начинается другой. Значительная часть основных глаголов употребляется и в качестве вспомогательных, поэтому порой трудно различить, употреблен ли тот или иной глагол во вспомогательном значении или основном.

Выяснение свойств сложных глаголов казахского языка имеет поэтому чрезвычайную актуальность и научно, и практически. Но в литературе, посвященной грамматике казахского и родственных с ним языков, вопросу этому уделено внимания весьма недостаточно. Поэтому мы решили посылить ответ на данный вопрос в серии заметок о вспомогательных глаголах, без которых не обходится ни один сложный глагол. Лексика и морфология вспомогательных глаголов, взятых в связи с теми или иными формами предшествующих им имен, деепричастий и причастий, – вот основной узел, за который следует ухватиться, чтобы войти в курс сложных глаголов.

Среди всех сложных глаголов, если оставить пока в стороне недостаточные их типы, выделяются наибольшей универсальностью и необычной продуктивностью четыре: *отыр* (сидеть), *жүр* (ходить), *тұр* (стоять), и *жат(ыр)* (лежать). Значения, указанные здесь, ориентировочные, ибо значения слов одного языка с точностью не передаваемы одним словом на другом. Отдельные слова одних языков могут в своем значении совпадать с отдельными словами других языков то больше, то меньше, но никогда не полностью. Глаголы *отыр*, *жүр*, *тұр*,

¹ Статья впервые была опубликована в брошюре (Алма-Ата, 1936), изданной как II серия «Исследования по казахскому языку».

² Verba impersonalis, defectiva, substantiva und auxiliaria // ИАН. 1932, №: 8, С. 701–730.

³ Ibid. S. 706.

⁴ Поскольку автор употребляет немецкое Zeitwort в более широком смысле, чем латинское verbum, я перевел его в данном случае не как глагол, а глаголообразное слово, хотя в следующем, втором, случае из-за стилистических соображений перевожу то же Zeitwort как глагол, а не глаголообразное слово.

жатыр имеют множество оттенков значений, которых нет у соответствующих слов русского языка. Так, например, *catыр* может быть использовано в значении «пребывать», *тұр* – в значении «находиться», *жұр* – «идти», «ездить», «следовать», *отыр* – «осесть» и т. д. Эти же разновидности значений могут сказываться и в их вспомогательных функциях чем и вызвать загадочное с точки зрения других языков сочетание значений, вроде значения универсального настоящего *келе жатыр* «идя сюда, лежит», т. е. «идет».

В нашу задачу не входит подробное описание оттенков значений всех этих глаголов. Нас в данном случае интересует вопрос о том, какие формы вспомогательных глаголов сочетаются с какими формами основных и какое при этом придают они значение. Поэтому о значениях каждого отдельного глагола мы будем иметь суждение в связи с их вспомогательными функциями.

Четыре названных глагола объединяются между собой и выделяются из всех остальных по крайней мере тремя морфологическими свойствами:

во-первых, они могут непосредственно к своей основе⁵ принимать личные окончания (суффиксы спряжения) 1-го и 2-го лица так же, как и имена⁶ в то время как все остальные глаголы могут спрягаться лишь после их преобразования посредством особых суффиксов в причастные, деепричастные, условные формы и в форму очевидного прошедшего;

во-вторых, они имеют в своем корневом виде форму чистого *praesens'a*, в то время как все остальные глаголы не могут принимать эту форму ни без наращений, ни с суффиксальным наращением, переходя в *praesens* лишь по присоединении одного из этих четырех вспомогательных глаголов;

в-третьих, они, оставаясь основой, т. е. без всяких наращений, могут иметь формы двух лиц: 2-го лица *imperativ'a* и 3-го лица *praesens'a*, тогда как все остальные глаголы в состоянии иметь без суффиксов лишь форму одного – 2-го лица *imperativ'a*.

Так как эти четыре глагола употребляются и в качестве служебных, вспомогательных, глаголов и так как основы только этих четырех глаголов обладают свойством иметь форму чистого *praesens'a*, чего нет ни у одного из остальных глаголов, то они (эти 4 глагола), присоединяясь к деепричастным формам любого глагола в качестве служебного элемента, превращают их в форму чистого настоящего времени (*praesens*). В таком случае основной глагол, приняв деепричастную форму, остается неизменяемой частью сложного глагола и элементом, носящим основное значение данного образования, а вспомогательные *жұр*, *тұр*, *отыр*, *жатыр* становятся лишь спрягаемой частью первого и, лишившись своего основного значения, сообщают основному глаголу, в зависимости от форм спряжения, различные служебные значения.

⁵ Лишь у глагола *жатыр* выделяется живая основа *жат*, к которой не могут присоединиться непосредственно личные окончания. Но зато он имеет ему одному присущий форматив *praesens'a -ыр*, по присоединении которого наравне с остальными тремя может принимать на себя и личные окончания. Формы же причастий, деепричастий, условная и прошедшая очевидная образуются от основы *жат*, а не *жатыр*.

⁶ Некоторые наши авторы, (Шонанов) в погоне за механическим перенесением традиций русских формалистов дошли до того, что глагол (казахский) определяли как слова, изменяющиеся по лицам, а имена – по падежам. Между тем в казахском языке глагольные основы (за исключением этих четырех) никогда не принимают личных окончаний (за исключением 3-го л. повел. накл.), тогда как именные основы принимают их непосредственно.

Остановимся вкратце на характеристике презентциальных форм, образуемых из сочетания деепричастных форм глаголов с перечисленными вспомогательными.

Обычно авторы казахских грамматик провозглашают формой настоящего времени (Байтурсунов) или настояще-будущего времени (Мелиоранский и др.) форму деепричастия настоящего времени, снабженную личными окончаниями для 1-го л. ед. ч. **мін** – **мын** или **мі**; для 2-го л. ед. ч. **сің** – **сың**; для 3-го л. ед. и мн. **ді** – **ды**, с формативом **а** – **е** для основ с конечным согласным, **и** – **й** с конечным гласным:

<i>жаз</i> (писать);	<i>бер</i> (давать);
I л. жаз-а-мын;	бер-е-мін;
II л. жаз-а-сың;	бер-е-сің;
III л. жаз-а-ды;	бер-е-ді;

<i>қара</i> (смотреть);	<i>түне</i> (ночевать);
I л. қара-й-мын;	түне-й-мін;
II л. қара-й-сың;	түне-й-сің;
III л. қара-й-ды;	түне-й-ді.

Если признание этой формы формой настояще-будущего времени имеет за собой некоторое оправдание, то утверждение Байтурсунова о том, что это – форма настоящего времени и только, остается признать продуктом явного непонимания ни природы этой формы, ни природы настоящего времени в казахском языке вообще.

Как известно, форма настоящего времени большинства изученных языков выражает действие двоякого рода: действие, совершающееся во время сообщения, и действие, обычное предмету, выраженному грамматическим субъектом. «Настоящее время» последнего рода собственно не является указанием на время совершения действия. В выражениях: корова мычит; птица летает; поезд ходит быстро, а верблюд – медленно и т. д. нет духа времени, а есть лишь указание на свойственность, обычность того или иного действия тому или иному предмету. Эти выражения собственно означают, что корове свойственно мычать, птице – летать, ходу поезда – быстрота, ходу же верблюда – медленность. Такое значение глагола можно назвать, как правильно поступают некоторые русские лингвисты, формой обычного времени (времени, поскольку налицо форма, присущая уточнению действия по времени) или просто формой обычности.

Деепричастие наст. вр., снабженное личными окончаниями, в казахском языке употребляется иногда в значении этого обычного времени, но не больше. Чаще всего такая форма выражает одну из разновидностей будущего времени⁷, именно утвердительного будущего: *жаза-а-мын* «обязательно буду писать», *бересің* «обязательно будешь давать» и т. д. В последнем значении эта форма употребляется больше. Поэтому в практических грамматиках удобнее ее назвать

⁷ В казахском языке несколько будущих времен; в простой форме глагол дифференцирует их на три разновидности: 1) будущее утвердительное; 2) будущее неутвердительное или запоздалое и 3) будущее достигаемое; кроме того, с оттенком будущего употребляются часто четыре сложных формы: желательности, подходящности, неуверенности и боязни.

просто Будущим Утвердительным, указав, что она выражает иногда обычное время, поэтому и действия, ставшие обычными занятиями людей, как в случае: *мен математикадан сабақ бер-е-мін* – «я преподаю математику» (имеется в виду свойственное казахскому языку употребление этой формы без указания на время).

Когда мы говорим, что Мелиоранский и др., видевшие в такой форме форму Настояще-Будущего, то есть форму соединения Настоящего с Будущим, имели на то некоторые основания, нами подразумевается наличие у этой формы лишь Обычного Настоящего, что Настоящим в полном смысле этого слова не может быть признано. Так как эта форма выражает и Будущее и Настоящее, но Будущее она выражает в полном смысле, а из категорий Настоящих – лишь с трудом приписываемое к нему Обычное, то нет никаких оснований ставить знак равенства между этими двумя ее функциями, назвав ее Настояще-Будущим, как поступают Мелиоранский и др., тем более не может быть речи о признании ее только Настоящим, как поступил Байтурсунов. Отсюда целесообразность назвать ее просто Будущим Утвердительным. Настоящее время в действительном смысле выражается в казахском языке сложными формами, спрягаемой частью в которых выступают перечисленные выше четыре вспомогательных глагола, а неспрягаемой – деепричастие прошедшего времени основного глагола. Сложную форму Настоящего времени образуют все четыре глагола. Но каждый из них выражает в то же время определенную категорию внутри категории Настоящего, вступая тем самым в сложные взаимоотношения друг с другом. Разновидности Настоящего образуются каждым из четырех глаголов, которые я бы назвал:

- 1) Настоящее универсальное. Форматив – вспомогательный глагол *жатыр*⁸;
- 2) Настоящее длительно-не-непрерывное. Форматив – *жур*;
- 3) Настоящее непрерывно-длительно-данное. Форматив – *тұр*;
- 4) Настоящее активно-данное. Форматив – *отыр*.

Когда говорящий считает достаточным выразить лишь то, что действие продолжает совершаться, не указывая, совершается ли оно в данную именно минуту или же это начавшееся длительное действие, могущее совершаться с перерывами, то он оформляет глагол Универсальным Настоящим:

1. *Бейімбет бір үлкен роман жазып жатыр* – «Беимбет пишет большой роман». Писать большой роман, это – дело не одной минуты. Не может быть, чтобы писатель не делает никакого перерыва до окончания составления романа. Следовательно, в минуту сообщения писатель мог быть занят другим делом или вообще не делать ничего. Форма Универсального Настоящего допускает все это.

2. *Мұқтар қайда? – Ана бөлмеде қат жазып жатыр.* «Где Мухтар? – Он там, в той комнате пишет письмо». Тут речь идет о действии, которое совершается во время беседы. Настоящее Универсальное вполне применимо и к подобным случаям.

3. *Біздің қалқозымыз бір айдан бері бәйгіге ат жаратып жатыр.* – «Уже месяц наш колхоз готовит лошадей к бегам».

⁸ Проф. Е. Д. Поливанов («Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка». Ташкент, 1933, С. 6) называет эту разновидность *progressiv'om* – длительным настоящим. Такое обозначение не выражает, как видно будет из дальнейшего изложения, специфики данной формы, а потому и не может считаться удачным.

Как видно, здесь речь идет о значительно длившемся действии, которое еще не закончилось. Слова *бір айдан бері* «в течение месяца» уточняют, сколько времени действие длилось. Универсальное Настоящее в состоянии употребляться и по отношению к таким длительным действиям.

В случае, если говорящий считает необходимым выразить, что действие совершается именно в данную минуту, то он оформляет глагол Настоящим данным-активным.

– *Мұқтар қайда? – Ана бөлмеде қат жазып отыр.* – «Где Мухтар? – «Там, в той комнате пишет письмо». Здесь *жазып отыр* означает: пишет именно в данную минуту. Если в этом же значении выше мы встретили форму с *жатыр*, то это не значит, что *отыр* и *жатыр* тождественны во всем, что они не имеют различия между собой. Форма с *жатыр* универсальна. Она может употребляться, если говорящему не нужно уточнять, идет ли процесс письма именно в данную минуту или нет, если ему достаточно сообщить лишь о том, что процесс письма вообще идет, но в данную минуту он мог иметь перерыв и в значении Длительного-Настоящего, и в значении Данного. Форма же с *отыр* возможна только в последнем значении. Поэтому она не может иметь места там, где необходимо вытекает длительность действия, вроде того, что было в примере для формы с *жатыр*: *Бейімбет бір үлкен роман жазып жатыр.* – «Беимбет пишет большой роман», т. к. создание большого романа – процесс длительный, допускающий перерывы действия, что не может уживаться со значением, передаваемым посредством сложной формы с *отыр*. Если она встречается в таком обороте, то глагол с формативом *отыр* сообщает лишь то, чем занят Беимбет в данную минуту, но не то, над чем он работает вообще.

Если же, напротив, говорящему необходимо дать знать о том, что какое-либо действие имеет место, что оно длительное и не непрерывное, то он оформляет сложный глагол формативом *жүр*, что образует Длительное непрерывное Настоящее.

Бейімбет бір үлкен роман жазып жүр – «Беимбет пишет большой роман», т. е. «Беимбет работает над большим романом». Сложный глагол с формативом *жүр* противопоставляется сложному с *отыр* в том смысле, что последний сообщает о действии, совершающемся в данную минуту, тогда как первый – о действии, совершающемся не только в данную минуту, но и вообще действии, которое не может быть совершено без перерыва.

Действие, допускающее перерывы, это – действие длительное, ставшее на определенный промежуток времени привычным. Поэтому сложная форма с *жүр* может казаться несколько похожей на Обычное Настоящее, выражаемое простой формой (деепричастием наст. вр., снабженным личным окончанием). Но различие между первой и второй формами нетрудно уловить. Если я скажу: *Мен сүгірет саламын* (Настоящее Обычное, если глагольная форма *сал-амын* употреблена именно в этом значении, а не в значении Будущего Утвердительного. Форма общая для обоих. Различают, главным образом, по контексту), то это означает: «Я занимаюсь рисованием» («мое занятие – рисование»); если же скажу: *Мен сүгірет салып жүрмін*, то это будет «Я работаю над живописью» («Я работаю в настоящее (не в данное) время, в последнее время над рисованием»). Иначе говоря, Настоящее Обычное выражает лишь действие, свойственное, или обычное,

субъекту, без оттенка действительности и без особого оттенка времени, в то время как Настоящее Длительно-не Непрерывное оттеняет время (последнее время, если нет во фразе указаний, с каких пор действие продолжает совершаться) и действительность. Это различие приблизительно передаваемо различием между выражениями «занимаюсь тем-то» и «работаю над тем-то».

Если не необходимо оттенить в сообщении, в данную ли минуту совершается действие или оно продолжается в течение последнего времени, допуская возможность перерыва, то глагол принимает форму Настоящего Универсального времени с формативом *жатыр*, которое включает в себя значение и формы с *отыр* (Настоящее Данное), и формы с *жур* (Настоящее не непрерывное-Длительное). Говоря иными словами, Настоящее Данное и Настоящее не Непрерывно-Длительное являются долевыми, дифференцированными ответвлениями Настоящего Универсального, а потому, при отсутствии необходимости дифференцировать могут быть заменены им (Универсальным). Этим объясняется и то, что примеры, взятые для иллюстрации и Настоящего Данного (*Мұқтар ана бөлмеде қат жазып отыр.* – «Мухтар в той комнате пишет письмо»), и Настоящего не Непрерывно-Длительного (*Бейімбет бір үлкен роман жазып жүр.* – «Беймбет пишет большой роман»), в состоянии иллюстрировать и Настоящее Универсальное при замене формативов первого (*отыр*) и второго (*жур*) формативом третьего (Универсального – *жатыр*). Но заменить Настоящее Данное Настоящим не Непрерывным-Длительным или наоборот нельзя ни в коей мере.

Менее дифференцированной по значению, а потому более сложной для анализа является четвертая по счету форма Настоящего – сложный глагол с *тұр*. Я назвал ее довольно неуклюжим многословным термином «Настоящее Непрерывно-Длительно-Данное» не столько с убеждением, что этим сумел адекватно выразить ее функции, сколько с целью показать трудность терминологической передачи ее грамматического значения. Касательно этой формы я могу сказать только, что она применима и для сообщения о действии, протекающем в данную минуту, как в выражении *жаңбыр жауып тұр* «дождь идет» (в данную минуту), и для выражения длительного действия, как во фразе: *көптен бері жаңбыр жауып тұр* – «дождь продолжает идти давно». Различие в употреблении формы с *отыр* от формы с *тұр*, когда последняя выражает действие, совершающееся в данное время, состоит в том, что первая почти исключительно употребляется при действиях, совершаемых человеком, реже – субъектом, приравненным к человеку, т. е. абстрактным субъектом, в то время как вторая одинаково применима ко всяким действиям без различения действующих лиц. Так, мы говорим: *жел соғып тұр* – «ветер дует», *күн құйып тұр* – «идет сильный дождь», *мал оңалып тұр* – «скот поправляется», *дөңгелектер зырлап айналып тұр* – «колеса быстро вращаются». Но нельзя ни в одном из этих предложений *тұр* заменить вспомогательным *отыр*, ибо здесь речь идет не о действиях человека. Когда же имеется в виду действие человека, даже в том случае, если слово, выражающее человека, является субъектом лишь логическим, а грамматический субъект – иной, то вспомогательный *тұр* применим, как и *отыр*: *Мен саған не айтып отырмын?* = *Мен саған не айтып тұрмын* – «Что я говорю тебе?» (субъект выражен как логически, так и грамматически личным местоимением 1-го л. единственного числа индивидуальной формы в им. п.): *Менің бірдеме айтқым келіп отыр* = *Менің*

бірдеме айтқым келіп тұр. – «Мне хочется⁹ что-то сказать» (логический субъект выражен местоим. 1-го л. ед., инд. в род. п., грамматический – отглагольной формой *айт-қым* – то, что относится к «сказать» от основы *айт* «сказать» с притяжательным окончанием 1-го л. индив. формы *-м* «мое» = *айт-қым келіп тұр* – букв. «мое» то, что относится к «сказать», идет сюда»). Несмотря на то, что в значении Настоящего Данного употребляется сложная форма с *тұр* наряду с формой с *отыр* и что переводятся обе формы на русский язык одинаково, в самом казахском имеется некоторое, почти неуловимое, различие между их значениями. Форма с *отыр* выражает процесс, форма с *тұр* – скорее результат, чем процесс. Поэтому в первой больше динамики, во второй больше статики, постоянства, а соощения вроде *жаңбыр жауып тұр; жел соғып тұр* близки по значению русским повествовательно-номинативным предложениям: «Дождь. Ветер». Иными словами, мы тут имеем дело с действием, процесс совершения которого ввиду непрерывности своей достигает некоторого постоянства или, что то же, состояния покоя. Эта природа сложной формы с *тұр* сказывается и тогда, когда она выражает длительный процесс, как и форма с *жұр*, чем и отличается от последней.

Біздің бригадамыз былтырдан бері бәйгі алып жүр. Біздің бригадамыз былтырдан бері бәйгі алып тұр. «(Начиная) с прошлого года наша бригада премируется (получает премии)». Отличие оттенка второго предложения от первого в том, что первое (*алып жүр*) понимается как «получает время от времени», второе (*алып тұр*) означает «все время». Поэтому первую форму я назвал Настоящим не Непрерывно-Длительным, вторую Настоящим Непрерывно-Длительно-Данным.

Форма со вспомогательным *жатыр*, как Настоящее Универсальное, заменяет, когда нет необходимости уточнить, все три остальные формы.

Конечно, во всем этом сказывается основное значение каждого из четырех вспомогательных глаголов. Порою даже трудно различить, в основном или вспомогательном значении употреблены эти глаголы. Подобное случается главным образом там, где сообщается о действиях, которые выражены глаголами: *жат(ыр)*, *жұр*, *отыр*, *тұр* в их основном значении. Так, когда говорят: *ұйықтап жатыр* – «спит», *жер өлшеп жүр* – «измеряет землю», *қағаз жазып отыр* – «пишет (бумагу)», то можно в этих образованиях видеть действительно сложный глагол, где элементы: *жатыр*, *тұр*, *жұр*, *отыр* отправляют функцию вспомогательных грамматических величин, поскольку посредством их глаголы: *ұйықта-п* «спавши», *кел-(і)п* «пришедши», *өлше-п* «измерявши», *жаз-(ы)п* «писавши», принявшие форму деепричастия прош. времени [форматив *-п*, *-(ы/і)п*], приобрели значение Настоящего; но в то же время не исключена возможность интерпретации их как сочетаний синтаксических, где основными элементами являются глаголы: *жатыр*, *тұр*, *жұр*, *отыр* в своих собственных значениях, а глаголы, оформленные в виде деепричастия прошедшего времени, суть обстоятельства образа действия. В таком случае следовало бы перевести: *ұйықтап жатыр* как «спавши лежит», *келіп тұр*

⁹ В казахском нет глагола «хотеть», «желать» в настоящем смысле слова. Глагол *тіле*, в татарском употребляемый в этом значении, теперь употребляют иногда в значении «хотеть», «желать». Настоящее же значение *тіле* в казахском языке будет «умолять», «просить». Значение «хотеть», «желать» нормально выражается сложным образованием типа *айтқым келіп тұр*, т. е. присоединения к основе глагола, которое выражается желаемое действие, суф. *-қы* (*оы*, *кі*, *гі*)+оконч. притяж.-вспом. гл. *кел* «идти» + формы спряжения.

как «пришедши стоит», *жер өлишеп жүр* как «измерявши землю ходит», *қағаз жазып отыр* как «писавши бумагу сидит». В этих случаях одинаково оправданы как первое, так и второе объяснения. Ибо здесь сами эти действия (или состояния): «спать», «прийти», «измерять землю», «писать» тесно связаны с теми действиями, которые выражены вспомогательными: «лежать», «ходить», «стоять», «сидеть». «Спать» можно (или, во всяком случае, принято) «лежа», «прийти» значит дойти до намеченной точки и «остановиться» т. е. «пришедши, стоять»; «измерять землю» можно «похаживая», «писать» принято «сидя». Поэтому отрывать одно от другого невозможно. Если бы глагол, принявший форму деепричастия, имел значение, не совместимое с теми действиями, которые выражены спрягаемым глаголом, тогда можно было бы узнать, сохранил ли последний свое основное значение или же отдал его в жертву своего превращения в служебный элемент. И, действительно, не трудно опознать служебный элемент в глаголах *жат(ыр)*, *отыр*, *тұр*, *жүр* в таких сочетаниях, как, *шөп шауып жатыр* «косят (сено)»; *жетегімдегі інгеннің ботасы, енесінен қалмай, шауып отырды* – «верблюженок, не отставая от своей матери, которую я водил, скакал (все время)»; *мен ол кезде күніге 5 сағаттан ұйықтап жүрдім* – «я в то время спал по 5 часов в сутки»; *сағат жүріп тұр* – «часы ходят». Ибо невозможно, чтобы «косили сено лежа», чтобы верблюженок «скакал сидя», чтобы «я спал похаживая», чтобы «часы ходили, одновременно останавливаясь».

Поэтому следует выяснить, в каком значении употреблен вспомогательный глагол в составе сложных форм, задавая вопрос поочередно и для спрягаемого, и для неспрягаемого глаголов. Если выяснится, что имеет место основное значение спрягаемого глагола, тогда последний – не вспомогательный. Если же речь идет только о действии глагола, принявшего форму деепричастия, тогда спрягаемый глагол необходимо считать вспомогательным. В сочетании *cambastap cатыр* последний глагол нельзя считать вспомогательным, ибо он отвечает своим основным значением на вопрос «что делает?». Что делает? – Лежит (*жатыр*). Как лежит? – На боку (*жамбастап*). Напротив, в выражении *шөп шауып жатыр* на вопрос «что делает?» нельзя ответить *жатыр* (лежит), а можно только «косит» или «косят» (*шауып жатыр*), т. е. речь идет тут о первом неспрягаемом глаголе *шауып*¹⁰.

Следует не забывать, что у нас речь идет лишь о Сложном Настоящем, которое образуется путем оформления любого глагола в виде деепричастия Прошедшего и присоединения к нему одного из упомянутых четырех глаголов в форме чистой основы для III л. и посредством прибавления личных окончаний только для I и II лиц. Если же эти 4 четыре глагола, в составе сложного образования или одни – это безразлично встречаются в оформлении каким-либо тематическим суффиксом, могущим находиться между основой и личным

¹⁰ Отрицательная форма деепричастия Прошедшего при вхождении его в состав сложного глагола совпадает с отрицательной формой деепричастия Настоящего, т. е. к основе глагола присоединяется общий для всех глаголов суффикс отрицания *-ма*, а затем форматив деепричастия Настоящего основ на гласный *-й*, а не *-п(ып, іп)*, как при образовании Прошедшего Неочевидного: *жазып-ты* «оказывается, он писал», *оқы-п-пын* «оказывается, я читал», в отрицательной же форме: *жаз-ба-п-ты* «оказывается, он не писал», *оқы-ма-п-ты* «оказывается, он не читал». В сложных же глаголах, (когда вспомогательный – не *е-мек*), как и в положении обстоятельства образа действия, деепричастие Прошедшего Отрицательного оформляется через *-й*: *жаз-ба-й* «не пи-сав», *оқы-ма-й* «не читав».

окончанием, или же снабжен окончанием III лица, то они (эти 4 глагола) не могут считаться формативами Сложного Настоящего, хотя и в таком положении могут оказаться элементами сложного глагола. При подобном оформлении вопрос о том, являются ли эти глаголы вспомогательными или основными, решается на тех общих основаниях для всяких вспомогательных глаголов, о которых мы уже говорили, а вопрос о времени – в зависимости от того, какой из тематических суффиксов находится за основой. Так, из числа вышеприведенных четырех примеров: *шөп шауып жатыр*, *бота шауып отырды*, *5 сагаттан ұйықтап жүрмін*, *сагат жүріп тұр* лишь в первом и последнем случаях глаголы *жатыр* и *тұр* – в настоящем времени, ибо в этих примерах глаголы *жатыр* и *тұр*, не имея ничего кроме своих основ¹¹, стоят в то же время в III лице, без всякого личного окончания и тематического суффикса, что немислимо ни для какого глагола, кроме этих четырех, и немислимо так же ни для одной формы, кроме двух: формы Повелительного II л., что здесь невозможно, т. к. глаголы согласованы не с местоимением второго л., а с именами (*ол* и *сагат*) и формы III л. Настоящего, какую и представляют они в данном случае. Во втором и третьем примерах нетрудно узнать, что глаголы *отыр* и *жүр* не в настоящем времени, ибо у первого налицо тема Прошедшего Очевидного (-ды), а у второго – личное окончание I л. ед. ч., между которым и основной находится тот же тематический суффикс (-ді). Здесь оба глагола в Прошедшем Очевидном, так что *шауып отырды* будет «скакал» (все время), *ұйықтап жүрдім* «спал» (все время), как мы перевели выше.

Глаголы *тұр*, *жүр*, *отыр*, *жатыр*, наращенные каким-либо тематическим суффиксом, или согласованные с местоимением второго лица (без тематич. суф.), не будут иметь формы Настоящего, а потому не образуют Сложного Настоящего для других глаголов, а примут соответствующие грамматические значения в зависимости от тематического и синтаксического оформления. Сами они в сложных глаголах, кроме формы Настоящего, служат еще видовыми формативами, сообщая основному глаголу в основном значении длительности действия. Так, во фразах *шауып отырды* и *5 сагаттан ұйықтап жүрдім* глаголы *отыр* и *жүр* сообщают значение «все время»: *шапты* – «скакал», а *шауып отырды* – «все время скакал», *ұйықтадым* – «спал», а *ұйықтап жүрдім* – «все время спал». В последнем случае «все время» не значит нерерывно, а означает «как правило» – нечто вроде многократного вида («как правило спал по 5 часов»).

Сложные формы глагола, образуемые посредством присоединения одного из этих четырех глаголов, имеют самые разнообразные значения, в зависимости как от суффиксальных прилатков вспомогательного глагола, так и от того, к какому из двух деепричастий – Прошедшего или Настоящего – приставлены вспомогательные глаголы. Но в нашу задачу в данном случае не входит описание всех этих разновидностей, что постараемся дать в следующих заметках. Здесь мы хотели остановиться лишь на одном вопросе о Сложном Настоящем и его подвидах, о чем в кратце уже шла речь. Теперь не мешало бы коснуться двух моментов Сложного Настоящего, связанных с глагольными формативами *сатыр*. Это – сочетание *praesens'a жатыр* с деепричастием Настоящего двух глаголов: *кел*

¹¹ О том, что выделяющийся элемент **-ыр** в составе *жат-ыр* не принимается в расчет при форме настоящего, мы уже говорили выше.

«прийти», «приехать», (сюда, т. е. по направлению к себе) и *бар* «идти», «ехать», «ездить» (туда, т. е. по направлению не к себе).

Дело в том, что глаголы *кел* и *бар*, сочетаясь с *жатыр*, образуют Сложное Настоящее не только в форме деепричастия Прошедшего (*келип жатыр*, *барып жатыр*), но и в форме деепричастия Настоящего (*келе жатыр*, *бара жатыр*), чего не может случиться ни с одним из других глаголов, кроме этих двух (*кел* и *бар*). Сочетание глагола *жатыр* в форме Настоящего с деепричастием Настоящего других глаголов никогда не дает Сложного Настоящего, следовательно, в таком положении глагол *жатыр* никогда не превращается в вспомогательный. Так, например, сочетание вроде *ол мұнда оқып жатыр* означает: «он пребывает здесь, чтобы учиться»; *ол мұнда экзамен беріп жатыр* будет – «он пребывает здесь, чтобы сдавать экзамены» и т. д. Здесь основное значение глагола *жатыр* «лежать», «пребывать» сохранено, следовательно, он здесь не является вспомогательным, а когда нет вспомогательного глагола, то не может быть сложно-вербальных образований. Как видно из этого, сочетания деепричастия Настоящего с *praesens'* *жатыр* не образуют Сложного Настоящего.

Но исключения составляют глаголы *бар* и *кел* от которых образуется форма *бара жатыр* «идет», «едет» (не сюда). Так как тут речь идет о процессе передвижения, то само собой понятно, что глагол *жатыр* не мог сохраниться в своем основном значении, а лишь отправляет функцию спрягаемого служебного элемента. И не только *жатыр*, по природе склонный к этому, но и весь комплекс с *бара* и *келе* в целом могут далее стать сложным вспомогательным, как это видно из сочетания *көбейіп келе жатыр* «увеличивается», *күшейіп бара жатыр* «усиливается». В первой фразе, состоящей из трех глаголов, лишь первый – *көбейіп* «увеличившись» (от имен. основы *көп* «много»+*ей* суф. вербализации – «размножаться», «увеличиваться» – (i)п – тема деепричастия Прошедшего – «увеличившись») – является основным глаголом, а оба остальные дополняют его значение. Во второй фразе основным глаголом выступает тоже лишь первый член сочетания – *күшейіп* «усилившись» (от основы *күш* «сила»+*ей*+*іп*=«усилившись»). Спрашивается, что делают здесь глаголы: *келе* «идя (сюда)» и *бара* «идя (не сюда)»? Тут ведь в понятиях *көбей* «увеличиваться», «размножаться» и *күшей* «усиливаться» не может идти речь о направлении движения, что было бы уместно, когда *кел* и *бар* взяты в своем собственном значении, как в выражениях: *қалаға бара жатыр* – «идет, едет в город», *қаладан келе жатыр* – «идет, едет из города».

Если здесь глагол *жатыр* сообщает значение незавершенности процесса действия, как и в предыдущих случаях, то глаголы *кел* и *бар* придают основному глаголу значение степени, фазы, которую достигает процесс (в данном случае процессы «увеличения» и «усиления»). Комплекс *келе жатыр* употребляется как сложный вспомогательный глагол там, где следует указать на начало процесса, еще не дошедшего до своего апогея, а сочетание *бара жатыр* – в том случае, если процесс переходит за свои грани. Так, *көбейіп келе жатыр*, *күшейіп келе жатыр* будет, если точнее передать их значения, «начинает увеличиваться», «начинает усиливаться»; фразы же *көбейіп бара жатыр*; *күшейіп бара жатыр* – «продолжает увеличиваться», «продолжает усиливаться».

Так как глаголы *кел* и *бар* в состоянии сочетаться в форме деепричастия Настоящего со вспомогательным *жатыр* и образовать в таком виде Сложное

Настоящее, то этим они ограничивают употребляемость нормальной с точки зрения других глаголов формы сочетания деепричастия Прошедшего с *жатыр*. Сложная форма Настоящего *келіп жатыр* и *барып жатыр* означает «приезжают», «съезжаются», «отправляются»: *Мектепке оқушылар келіп жатыр* – «учащиеся съезжаются (приезжают) в школу», «*Оқу бітіргендер экскурсияға Мәскеуге барып жатыр* – «Окончившие школу направляются в Москву с экскурсией». Словом, сочетаясь с *жатыр* и оформляясь в виде деепричастия Прошедшего времени, глаголы *кел* и *бар* приобретают значение «прибытия», но не одновременного, а последовательного. Форма эта похожа на многократный вид, ибо сообщает о повторяющемся действии (прибытии), но отличается от него тем, что здесь идет речь о повторении действий не одного лица или нескольких лиц, совершающих действие совместно, а о действии, которое совершается разными лицами в разное время. Характерный пример этого «съезжаются», то есть одни уже прибыли, другие прибывают. Основы *кел* и *бар* выражают здесь направление, форма же деепричастия Прошедшего – достижение намеченной точки, а *жатыр* – продолжение, незавершенность.

В этом значении и в этой форме глаголы *келіп жатыр* и *барып жатыр* должны иметь множество действующих лиц, в противном случае значения повторения несколькими лицами не получится.

Не следует смешивать эту форму сложного глагола с не сложным сочетанием, но с теми же членами и в том же внешнем оформлении. *Біздікіне Сабиттер келіп жатыр* – «К нам пришли (приехали) и прибывают Сабиты» (т. е. Сабит и др.), где *жатыр* не является вспомогательным, а выражает значение пребывания. Отличить одну форму от другой можно лишь по контексту, в живой речи, кроме того, и по интонации.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Сложение, или композиция, есть образование нового слова путем соединения двух или более слов в одно.

Эта проблема в вопросах казахского языкового строительства до сего времени оставалась как бы наименее разработанной.

В то же время по своему существу в методике языкового строительства ее следовало бы выдвинуть на наиболее близкое место в ряде тех источников, откуда следует черпать новую терминологию, обогащающую язык за счет собственных средств.

Возможности для творчества здесь необычайно велики, и успех всецело зависит от умения их использовать.

Отчасти сам материал также подготовлен, осталось только оформить его и, так сказать, санкционировать право его гражданской жизни.

Прежде чем вплотную подойти к решению этой проблемы в казахском языке, следовало бы проиллюстрировать аналогичные образования и существующие подобные языковые богатства в ряде других языков, чтобы иметь большее обоснование для тех наших предложений, которые мы выдвигаем здесь для казахского языка, впервые в истории своего развития вступающего на этот путь.

По данным анализа методов композиции, для ряда языков устанавливается, что сложение может производиться двумя путями: 1) непосредственно, например, нем. *Zeughaus* (цейхауз), это значит «оружейный склад» (*Zeug*² – оружие и *Haus* – дом) и 2) посредством связующего звена – соединительного гласного (греч. «**о**», латин. «**и**», русское «**о**», «**е**» и т. д.). Например, греч. *termometer* – *термометр/тепломер* (*thermos* – *теплый*+*meter* – *мера*)³. Латин. эквивалент – *равноценное* (*eguis* – *равный* + *valens* – *ценный*), русское *землетрясение* (*земля*+*трясение*) и т. д.

Словосложение особенно развито в греческом и германских языках, редко в латыни и романских языках; непосредственное сложение реже в классических языках, чаще в неклассических.

Широко распространенное мнение о том, что сложение должно быть обязательно однородным, т. е. обе части слова должны браться из одного языка (греч.+греч. *λογος* латин.+латин., фран.+фран. и т. д.), на практике не оправдывается.

Смеси в словосложениях – явление совершенно обычное и как пример можно привести термины: *терминология* (латин. *terminus* – предел+греч. *Λογος* – слово) или *социология*, наука об обществе (латин. *societas*⁴ – общество+греч. *λογος* – слово) и т. д.

¹ Статья взята из материалов ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 3, д. 680, лл. 28-33. Впервые опубликована в кн. К. Жубанова «Исследования по казахскому языку», Алма-Ата, в 1966.

² В современном немецком языке *Zeug* уже не означает «оружие»; слово отдельно малоупотребительно, оно стало компонентом сложных слов – полусуффиксом. Примеры: *Flügzeug* – *самолет*, *Spielzeug* – *игрушка*, *Fusszeug* – *обувь*, *Schreibzeug* – *письменные принадлежности*. – *Редколлегия*.

³ Греческое написание: *θερμη+μετρεω*. – *Редколлегия*.

⁴ Более вероятно, что компонент не *societas*, а *socins* (общий). – *Редколлегия*.

Кроме этих способов и видов образования наблюдается еще иная, а именно сложное словообразование не от начальных форм, а от именных. Таким образом, существуют международные термины из сложения с родительным падежом имени (первой части нового слова), например: латинское *aquaeductus* – акведук; *jurisprudencia* – юриспруденция; немецкое *Reichstag*⁵ – рейхстаг; английское *sportsman*⁶ – спортсмен и т. д.

Далее существуют сложные образования и из дополнений при глаголах в первой части, при этом дополнение ставится после глаголов. Например, фран. *cache + nez* (прячь нос) – русское кашне.

Что касается частей речи: имени существительного и прилагательного, то они входят в композицию, преимущественно соблюдая тот порядок, когда определение стоит впереди определяемого, например, нем. *Schnellzug* – скорый поезд, однако бывает и обратный порядок. Так, греч. *φιλοσ* – любитель, друг в старых сложениях занимает первое место, например, *филолог*, в новых же – последнее, например: *библиофил*, *туркофил* и т. д.

Ниже мы даем на этой базе ряд примеров словосложений в некоторых языках, комбинированных из различных частей речи.

Немецкие сложения: *Weissbrot* – белый хлеб; *Ehrenpräsident* – почетный президент; *Eheleute* – супруги; *Fraktionssitzung* – фракционное заседание; *Tariflohn* – обязательная оплата (плата по тарифу); *Arzterat* – медицинский совет; *Meinungsverschiedenheit* – разногласия; *totschlagen* – губить (убить); *hängenbleiben* – повиснуть.

Английские сложения: *sweetheart* – милый, милая; *football* – футбол; *footnote* – подстрочное примечание; *quide-book* – путеводитель; *pickpocket* – карманник.

Русские сложения: миролюбие, землетрясение, братоубийца, болеутоляющий, путеводитель, белолицый, краснощекий, черноморский, пустоцвет, рукоплескать, рукоприкладствовать, уравнивать, разнообразить.

Перейдя непосредственно к сложениям в казахском языке, мы полагаем, что по предварительным и, конечно, далеко не полным обследованиям этот момент мог бы охватить нижеследующие категории языковых сочетаний:

- 1) имя существительное + имя существительное;
- 2) имя прилагательное + имя существительное;
- 3) имя существительное + отглагольное имя;
- 4) числительные;
- 5) имена собственные (личные);
- 6) новые образования – сокращения.

Краткие объяснения к каждой из указанных категорий приводятся равно, как дается и материал, иллюстрирующий положения о композициях.

Один из серьезных вопросов, возникающих у нас при обсуждении настоящего предложения, – это степень подготовленности школ с их ученическим составом к усвояемости этих сложений. По данным вопросам выясняется, что

⁵ Окончание родительного падежа *s* превратилось в соединительный элемент. – *Редколлегия*.

⁶ Вероятнее, что это *s* – формант множественного числа. – *Редколлегия*.

затруднений к усвоению данных правил со стороны школьников не может быть, тем более что эти категории сложений относятся к понятиям частей речи, с которыми школьники знакомятся с третьего года своего обучения родному языку, но уже достаточно бывают ориентированы и на втором году.

Кроме того, разумеется, необходимо, чтобы преподаватель был сам достаточно подкован методически и в основном ясно представлял себе руководящие принципы сложения слов.

В целом здесь положено в основу правило сложения таких двух слов, которые могут стоять рядом без формальных признаков своей взаимной связи. Конечно, к композициям относятся не все такие сочетания, а лишь те шесть видов, которые приведены выше.

§ 1

Имя существительное + имя существительное

К этой группе словосложений должны быть отнесены выражения, состоящие из двух имен существительных – определения и определяемого. При этом определение означает предмет или материал, из которого сделан предмет, выраженный определяемым, а также сочетания из определения и определяемого, которые имеют так называемые фигуральные смысловые значения. Взаимная грамматическая связь этих слов между собой суффиксами не оформлена, она выражена только последовательным положением их.

Типами таких сложений нужно считать нижеследующие⁷ [...].

§ 2

Имя прилагательное + имя существительное

В эту группу сложений входят сочетания из двух слов: имени прилагательного и имени существительного – определения и определяемого. При этом имя прилагательное (в данном своем сочетании) утрачивает свое первоначальное и основное значение и в совокупности с определяемым обычно передает одно понятие.

Типами этих сложений будут следующие [...].

§ 3

Имя существительное + отглагольное имя

В данную группу сложений входят образования из двух слов – имени существительного и отглагольного имени (существительного или

⁷ Здесь и далее казахские слова, приведенные как примеры, в материалах архива не зафиксированы, по-видимому, автор собирался их напечатать на машинке, но своевременно этого не сделал. Автограф и другой список этой статьи пока не найдены. – *Редколлегия*.

прилагательного). При этом впереди стоящее имя существительное является дополнением.

Типами этих сложений будут следующие [...].

§ 4

Имена числительные

В эту группу сложений рационально было бы включить сочетания из десятков и единиц, начиная с одиннадцати. Относятся сюда [...].

§ 5

Имена собственные

В данную группу следует отнести имена собственные (личные), состоящие из нескольких частей [...].

§ 6

Новые образования – сокращения

В эту группу следует включить все новые сокращения названий учреждений, правительственных организаций, канцелярской и делопроизводственной номенклатуры.

Сюда относятся следующие типы [...].

§ 7

Всякого рода парные слова и т. н. звуковые повторы, являясь специфическими формами выразительности в казахском языке, слитно не пишутся, между словами ставится тире. Так, например: [...].

О ФОРМАХ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ¹

По морфологической классификации языков казахский язык, как и все тюркские языки, относится к группе агглютинативных языков, где как словообразование, так и словоизменение происходят путем прибавления к основам соответствующих приставок, причем эти последние не так крепко сливаются с основами (корнями) и не производят особых звуковых изменений в них, что наблюдается в языках флективных. Но это не значит, что в казахском языке агглютинация является единственным способом образования формы. Точно так же, как флективные языки пользуются для этой цели не только флексией основы, но и прибегают к другим способам словоизменения и словообразования, так и агглютинативные языки не ограничиваются одной лишь агглютинацией. Очень важную роль в этом отношении играет в казахском языке форма сочетания слов, определяющих не только отношение слов в определении, но и значение их. К сожалению, им мало уделялось внимания, не было даже и попытки к серьезному изучению их, если не считать отдельных указаний в некоторых лингвистических сочинениях, сделанных мимоходом. Приведенные ниже примеры и без особых пояснений показывают, как сильны формы сочинений в казахском языке.

Вот предложение, построенное из 15 слов, из них лишь 3 имеют при себе приставки словоизменения, остальные же 12 слов являются основами, некоторые, правда, производными.

1. Сен көрген қымбат алпауыттан да Қызыл Құрт Ертай

ұстаның Темірбайдан алған торы бесті аты жақсы.

Пословный перевод этих 15 слов таков: 1) ты, 2) видевший, 3) дорог, 4) помещика (исх. пад.), 5) и (даже), 6) Кызыл, 7) Курт (собств. имя – название рода; состоит из двух слов, из коих первое значит «красный», а второе – «творг», «червь»), 8) Ертай (собств. имя), 9) кузнеца (род. пад.), 10) Темирбая (собств. имя в исх. пад.), 11) получивший, 12) гнедой, 13) пятилетка, 14) мерин, 15) хорош.

В сочетании в приведенном порядке эти 15 слов составляют предложение, значащее в переводе на русский язык следующее:

«Чем дорогой помещик (лошадь помещицъей виденный

тобою, лучше и гнедой пятилетний мерин, полученный кузнецом

Ертаем кызыл-куртовцем от Темирбая».

Слово (1) *сен* в данной фразе имеет значение «тобою» в зависимости от глагола (2) *көрген*, который мы переводим уже не «видевший», а «виденный», так как он, предшествуя слову *алпауыттан*, служит определением к нему и

¹ Из предисловия к составленному автором учебнику по казахскому языку. – *Примечание автора*. Статья впервые публиковалась в кн. Х. Жубанова «Исследования по казахскому языку». Алма-Ата, 1966, взята из материалов ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 3, д. 378, лл. 39-46. – *Редколлегия*.

приобретает значение страдательного залога без прибавления соответствующей приставки, имеющейся в казахском языке; (3) *қымбат* здесь также не «дорог», а «дорогой», ибо непосредственно предшествует слову *алпауыттан* и потому является определением к нему; (4) *алпауыттан* в данном случае значит не «помещик», а «лошадь помещичьей породы». Союз (5) *да* имеет значение «даже» при подлежащем «мерин», так как сравниваемое с ним дополнение *алпауыттан* предшествует подлежащему. Следующие три слова (6, 7 и 8) *Қызыл, Құрт, Ертай*, находясь непосредственно перед *ұстаның*, служат определением к последнему, и падежные окончания в русском переводе даны в порядке согласования с определяемым словом. Слово же (9) *ұстаның* (с приставкой род. пад.) приобретает значение творительного падежа вследствие управляющего им глагола *алған*, (10) *Темірбайдан* (от Темирбая) сохраняет это значение, находясь непосредственно перед управляющим им *алған*. Слово же (11) *алған* (получивший) приобретает значение страдательного залога (без замены приставки действительного *ған* соответствующей приставкой страдательного залога) только потому, что предшествует слову *аты* и тем самым служит определением и ему. Слова (12 и 13) *торы* и *бесті* также служат определением к *аты*, так как предшествуют ему, и потому *бесті* значит уже не «пятилетка», а «пятилетний». Слово (14) *аты* (мерин его, в данном случае кузнеца), служа подлежащим, не меняет своего значения. Слово (15) *жақсы* здесь не «хорош», а «лучше», ввиду того что *алпауыттан* – в исходном падеже.

Если произвести соответствующую перестановку этих слов, каждое из них может без помощи приставок в зависимости лишь от своего места в предложении приобрести новое значение. Возможно, например, такое сочетание этих же слов:

	<i>И.Қызыл</i>	<i>құрт</i>	<i>Ертай</i>	<i>ұстаның</i>	<i>Темірбайдан</i>	<i>көрген</i>	<i>аты</i>
	1	2	3	4	5	6	7
<i>қымбат.</i>	<i>Торы</i>	<i>алпауыттан</i>	<i>да</i>	<i>сен</i>	<i>алған</i>	<i>бесті</i>	<i>жақсы.</i>
8	9	10	11	12	13	14	15

Получается два предложения, которые в переводе на русский язык значит:
«Мерин кузнеца Ертая кызыл -куртовца, заподозрившего

(в похищении этого мерина) *Темирбая, дорог.*

Чем гнедой помещик (лошадь) лучше и полученной

тобою пятилетки».

Первые четыре слова первого предложения *Қызыл құрт Ертай ұстаның* имеют в данном случае те же значения, что и в первом примере. Но на русский язык мы перевели их в форме родительного падежа ввиду невозможности точного перевода слова *көрген*, которые по своему месту имеет форму страдательного залога (несмотря на приставку действительного залога). Здесь действующим лицом является *ұста*. Слова (5) *Темірбайдан* с приставкой исх. пад., находясь непосредственно перед словом *көрген*, зависит от последнего и переводится на русский язык в виде прямого дополнения – *Темирбая*. Слово же (6) *көрген* только

потому, что находится после слова *Темірбайдан* и, следовательно, управляет им, коренным образом меняет свое значение; безотносительный перевод его значит уже не «видевший», а «заподозривший», но так как оно предшествует слову *аты* и потому служит определением к этому слову – объекту действия *көрген*, то автоматически (без изменения приставки) принимает форму страдательного залога. Точный перевод его на русский язык невозможен, так как по-русски прямым дополнением глагола «подозревать» служит похититель (в данном случае *Темирбай*), а в казахском глагол *көр* имеет прямым дополнением предмет похищения (мерина), похититель ставится в исходном падеже. Буквальный перевод словосочетания *ұстаның Темірбайдан көрген аты*: «Мерин, заподозренный кузнецом, от Темирбая» недопустим по-русски. Слово (7) *аты* сохраняет то же значение, что и в первом случае. Слово (8) *қымбат* здесь значит уже не «дорогой», а «дорог», так как, находясь в конце предложения, оно должно служить сказуемым. Слово (9) *торы*, предшествуя слову (10) *алпауыттан*, служит определением к последнему, которое вместе с союзом (11) *да* сохранило здесь то же значение, что и в первом случае. Слово (12) *сен* в данном случае также имеет значение «тобою», так как ему принадлежит действие (13) *алған* (принадлежность эта определяется расположением этих слов: сначала *сен*, а потом *алған*, которое, предшествуя слову *бесті*, служит к нему определением и приобретает значение страдательного залога, означая в переводе в переводе на русский язык уже не «получивший», а «полученный»). Слово (14) *бесті* не имеет за собою другого имени существительного, к которому оно служило бы определением (как в первом случае), а потому само становится именем существительным: оно значит здесь уже не «пятилетний», а «пятилетка». Сказуемое (15) *жақсы* не меняет своего значения (ибо так же, как и во втором случае, находится в конце предложения) и переводится на русский язык тем же словом «лучше», что и в первом случае.

Можно представить эти же слова и в таком порядке:

III. *Ұстаның* *жақсы* *көрген* *аты* *алпауыт* *қызыл* *бесті*.
 1 2 3 4 5 6 7

Сен *Темірбайдан* *алған* *құрт* *Ертай* *торыдан* *да* *қымбат*.
 8 9 10 11 12 13 14 15

«Любимый *кузнецом* *мерин* – *помещицья* *сивая* *пятилетка*.
 2-3 1 4 5 6 7

Полученный *тобою* *от* *Темирбая* *творог* *дороже*
 10 8 9 11 15

Ертая- гнедка.
 14 12 13

Слово (1) *ұстаның* с приставкой родительного падежа, предшествуя определяемому им отглагольному прилагательному *көрген*, переводится, как и в первых двух случаях, формой творительного падежа. Слова же (2, 3) *жақсы* и *көрген* в сочетании в таком порядке представляют одно понятие и значит «любивший», но в данном случае приобретают страдательную форму потому, что предшествует слову (4) *аты*, к которому они должны служить определением и которое, являясь объектом действия *жақсы көр*, представлено в форме

именительного падежа; (5) *алнауыт* без падежной приставки (ее мы перенесли к слову *торы*, служившему в предыдущем случае определением для *алнауыттан*), предшествуя слову *бесті* и являясь определением к последнему, получает значение имени прилагательного, показывающего не только на принадлежность (как значится в нашем неточном переводе), но и на происхождение (*алнауыт бесті* значит: «пятилетка помещичьей породы»). Слово (6) *қызыл* – «красный» в данном случае показывает масть лошади, так как предшествует слову *бесті* (пятилетка) и определяет последнее, поэтому оно означает уже не «красный», а «сивый», «сивая»; *бесті* (7) сохраняет здесь то же значение имени существительного, что и в предыдущем случае. Также не изменяется в своем значении и слово (8) *сен* (тобою) ввиду принадлежащего ему действия *алган*. *Темірбайдан* (9) здесь восстанавливается в своем значении – «от Темирбая», так как за ним следует (19) *алган* в том же значении «полученный», что и в предыдущих случаях, т. е. в форме страдательного залога (несмотря на приставку действительного залога), ввиду своего места перед определяемым им словом (11) *құрт* (творог) – объектом получения, выраженным в форме именительного падежа. Слово (12) *Ертай* непосредственно предшествует слову (13) *торыдан* в значении уже имени существительного (так как после него нет другого существительного, к которому оно служило бы определением), а самое главное – имеет при себе падежную приставку, поэтому из этих двух слов первое является определением, а второе – определяемым словом и сочетание *Ертай торыдан* значит: «ертаевского гнедка», точнее «Ертая гнедка», так как в данном случае Ертай скорее означает кличку, тем простое определение, указывая не на принадлежность, а на происхождение. Союз (14) *да*, не меняя своего значения (и, даже), остается при дополнении *торыдан*, не относясь к подлежащему, как в предыдущих случаях, ибо в данном случае подлежащее предшествует дополнению (поэтому русский перевод получается в виде «творог дороже и Ертай-гнедка», что было бы уместно в случае *Ертай торыдан да құрт қымбат*), сказуемое *қымбат* здесь и не «дорогой», и не «дорог», как в предыдущих случаях, а «дороже» управляемого им дополнения *торыдан* в исходном падеже, сравниваемого с подлежащим *құрт*.

Взятых нами для примера слов оказалось очень много, чтобы исчерпать все случаи изменения их порядка, влекущего за собой и изменение форм. Возможно, например, такие сочетания:

IV. *Қызыл* *құрт* *Ертай* *ұстаның* *алнауыттан* *да*
 1 2 3 4 5 6
қымбат *көрген* *аты* *Темірбайдан* *сен* *алган* *жақсы*
 7 8 9 10 11 12 13
торы *бесті*.
 14 15

«Мерин, оцененный кузнецом Ертаем кызыл- куртовцем,
 9 8 4 3 1 2

дороже даже помещика, (есть) хорошая гнедая
 7 6 5 13 14

пятилетка, полученная тобою от Темирбая».
 15 12 11 10

V. Темірбайдан алған бесті жақсы сен көрген Қызыл

1 2 3 4 5 6 7

құрт Ертай. Торы алпауыттан да ұстаның аты

8 9 10 11 12 13 14

қымбат.

15

«Хороша пятилетка, полученная от Темирбая.

4 3 2 1

Қызыл-куртовец, виденный тобою, (есть) Ертай.

7 8 6 5 9

Чем гнедой помещик – лошадь дороже и мерин

10 11 12 14

кузнеца» и т. д.

13

Достаточно и приведенных случаев, чтобы убедиться в важности значения порядка слов в казахском языке и необходимости серьезного изучения форм сочетания слов.

О ПОСТРОЕНИИ РЕЧИ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Члены предложения, зависящие непосредственно от сказуемого, называются первичными, каждый из коих может иметь свои определения, дополнения (прямые, косвенные и обстоятельственные) и подлежащие, зависящие только от него (данного первичного члена) и называемые вторичными, которые в свою очередь управляют третичными членами и т. д.

«*Бітісі жаман қамысты су ішінен өрт шалар*». Здесь *қамысты*, *ішінен* и *өрт* – первичные члены, все они непосредственно зависят от сказуемого *шалар*, *су* – вторичный, относящийся к *ішінен*, *бітісі жаман* – сложное определение – вторичный член, зависящий от *қамысты*; он разлагается на *бітісі* и *жаман*, из коих собственно вторичным является *жаман*, от него зависит *бітісі* – третичный член.

2. Сочетание слов в предложении или отдельной группе бывает параллельное, когда несколько слов одинаково зависят от одного и того же слова (сказуемого или какого-либо первичного члена), и последовательное, когда одно слово зависит от другого, последнее от третьего и т. д. Первичные члены приведенного предложения служат примером параллельного сочетания. «*Сырын білмеген аттың сыртынан жүрме*». Здесь *сыртынан* – первичный член, управляемый непосредственно сказуемым *жүрме*; *аттың* – вторичный член, относящийся к *сыртынан*; *білмеген* – третичный, зависящий от *аттың*, *сырын* – четвертичный, зависящий от *білмеген*. Вся фраза составляет одну последовательную цепь.

3. Члены предложения располагаются в определенном порядке, подчиняясь основному закону. Управляемое слово предшествует управляющему, определение – определяемому, т. е. в самом конце предложения находится сказуемое, ему предшествуют первичные члены, каждому из них – зависящие от него вторичные и т. д.

При параллельном сочетании члены, одинаково относящиеся к одному и тому же слову и имеющие те или иные формальные принадлежности (см. § 4), характеризующие это отношение, могут быть расположены без определенного порядка, подчиняющегося в этом случае только логическому ударению.

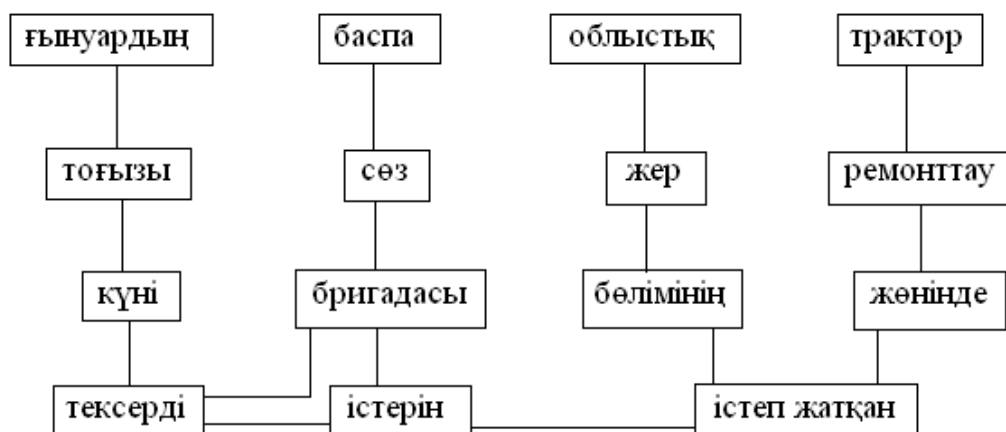
Последовательное же сочетание не допускает иного порядка, как только восходящего.

«*Ғынуардың тоғызы күні баспасөз бригадасы облыстық жер бөлімінің трактор ремонттау жөнінде істеп жатқан істерін тексерді*» («С. Қ.» 31. 01. 1934).

Здесь три первичных члена (подчеркнутые) параллельны; их можно переставить как угодно, но последовательная цепь, относящаяся к каждому из них, должна сохранять свой восходящий порядок. Два третичных члена (*бөлімнің* и *жөнінде*) также параллельны – оба относятся к *істеп жатқан*, поэтому они также могут быть переставлены и без нарушения восходящего порядка возглавляемой каждым из них подцепи. Возможно, например, такое сочетание:

¹ Статья не закончена, взята из материалов ЦГА КазССР, ф. 81, оп. 3, д. 378, лл. 2–27. Впервые опубликовалась в 1966 году в книге К. Жубанова «Исследования по казахскому языку» – *Редколлегия*.

«Трактор ремонту жөнінде облыстық жер бөлімінің істеп жатқан істерін баспасөз бригадасы ғынуардың тоғыз күні тексерді».

4. Расположить параллельные члены (цепи) по своему желанию мы можем лишь в том случае, если все они оформлены и по формальной принадлежности каждого члена можно установить, к какому слову он относится.

Когда же член предложения не имеет никакой формальной принадлежности, последняя заменяется его местом в предложении, он считается находящимся под управлением непосредственно следующего слова. В приведенном предложении, например, слова *трактор* (неоформленный вин. пад.) и *ремонттау* (неоформленный род. пад.) не имеют других, кроме занимаемого места, формальных принадлежностей; из этого следует, что *трактор* зависит от непосредственно следующего за ним *ремонттау*, а *ремонттау* зависит от *жөнінде*, также непосредственно следующего за ним. Члены без формальных принадлежностей не могут отделиться от управляющего слова иначе, как только путем оформления. (Если, например, хотим отделить *трактор* от *ремонттау*, вставив между ними слово *жедел*, мы должны будем снабдить *трактор* приставкой винительного падежа: *тракторды жедел ремонттау*. Подробнее об этом будет ниже в § 7).

И когда среди параллельных членов имеется неоформленный, ему принадлежит самое последнее место – непосредственное соседство с управляющим (или определяемым) словом.

«*Мен жасымнан Жама балуан атанғанмын*». Здесь подлежащее *мен*, дополнение *жасымнан* и неоформленное дополнение *Жама балуан* одинаково относятся к сказуемому *атанғанмын*. Но перестановка их допустима только в отношении *мен* и *жасымнан*, из коих с первым, как подлежащим, сказуемое согласовано в лице, а второе оформлено падежной приставкой (так что возможно: *Жасымнан мен Жама балуан атанғанмын*). Неоформленный же член *Жама балуан* не может быть отделен от сказуемого: роль и значение слов *Жама балуан* не могут быть уточнены какими-либо другими формальными принадлежностями, как только его местом в предложении (здесь невозможно оформление, какое мы произвели над словом *трактор* в предыдущем примере). В данном случае слово *балуан* (имя существительное) стоит в определенном падеже, соответствующем русскому творительному при глаголах «*быть*», «*состоять*», «*называться*» и т. п. и управляемом такими же по значению глаголами казахского языка: *тұлымдысын*

күң қылды. Этот падеж отличается от именительного тем, что последним выражается только подлежащее и с ним согласовывается сказуемое, неопределенный же падеж ставит существительное под управление глагола, не снабжая его никакими формальными принадлежностями.

5. В казахском языке имеется особая категория слов, которые, не имея при себе никаких приставок, служат тем или иным членом предложения, но и их значение, т. е. место слова служит формой и словоизложения, и словообразования. Это главным образом имена прилагательные. Так, в сочетании *жақсы жігіт* слово *жақсы* – хороший, а в «А» – дан «В» *жақсы* то же слово *жақсы* – лучше. Во фразе же *атың жақсы* это же *жақсы* – хорош. В *жақсы айтасың* оно, предшествуя глаголу, обращается в наречие «хорошо». Когда же за именем прилагательным не следует определяемое слово, оно (имя прилагательное) приобретает значение имени существительного: *жақсыдан жаман туады*.

Поэтому члены предложения, выраженные именами прилагательными (поскольку они не обращены в имена существительные или не служат сказуемыми): определения и обстоятельства образа действия, помещаются всегда непосредственно перед определяемым словом. И параллельное сочетание таких членов предложения представляет большие затруднения, а в некоторых случаях бывает совершенно невозможно без особой интонации или без помощи особых служебных слов, вроде *әрі, өзі*. «*Әрі үлкен, әрі биік, әрі жарық, әрі жылы ағаш үй*». «*Жер ошақты әрі кең, әрі терең қылып қазыпты*». Общее определение для нескольких определяемых слов типа «*правые рука и нога*» недопустимо. Также недопустимо и сочетание типа «*правая и левая руки*», где множество определений предлагает множество определяемых слов. В таких случаях приходится повторять: в первом случае определение: *Оң қол мен оң аяқ* и во втором случае определяемое слово: *Он қол мен сол қол*.

6. Сказанное в предыдущем параграфе относится к определяемым и обстоятельствам образа действия, не имеющим никаких формальных принадлежностей, кроме своего места во фразе.

Когда же определение выражено словами, содержащими в себе ту или иную формальную принадлежность, таких затруднений не бывает. При этом следует иметь в виду, что приставки словообразования всех производных имен прилагательных: *-ғы, -лы, -сыз, -ған, тын* и т. п. (*балалы, баласыз, барған, баратын, барар*) также составляют формальную принадлежность, характеризующую определение (во всяком случае производные имена прилагательные имеют некоторое преимущество перед основными именами прилагательными, слишком полисемантическими по сравнению с производными и меняющимися в зависимости от своего места не только отношение к другим членам предложения, но и собственное значение). Такую же формальную принадлежность составляют и сочетания типа *орақ мұрын, қой көз, бота тірсек, қамыс құлақ, туысы жаман, еті тірі, талағының биті бар*, которые обычно служат групповыми определениями.

Определения, имеющие при себе какие-либо формальные принадлежности (несмотря на отсутствие согласования с определяемым словом), легко вступают в параллельное сочетание: *қолаң шашты, қой көзді, қыр мұрын, имек қас, ақ құба*

қыз. *Отқа салса күймейтін, суға салса батпайтын, оқ өтпейтін, қылыш кеспейтін бір жалмауыз кемпір болыпты.*

При параллельном сочетании разнородных определений определения с такими формальными принадлежностями всегда предшествуют определениям, выраженным основными прилагательными (качеств.) и аффектированными существительными.

Порядок определений, относящихся к одному и тому же слову, должен быть такой: первое место, считая с конца, принадлежит прилагательным, означающим более специфические и неотъемлемые признаки, причем перед основными прилагательными имеют преимущество вещественные и функциональные формальные (типа *күміс ожау, өгіз арба*), носящие в себе значение имени прилагательного ввиду непосредственного соседства с определяемым словом; последними (считая с конца) следуют производные имена прилагательные с теми или иными формальными признаками и, наконец (в самом начале), – определения в родительном падеже, которые имеют перед другими определениями то преимущество, что определяемое слово согласовывается с ними при помощи местоименных суффиксов².

Мырқымбайдың былтыр Арқадағы қайын ағасы Қосайдан алдырған жалғыз шетен үлкен темір арбасы. Жауқасын құдағайдың түйе бастаған тоғыз беріп қалап алған күміс қымыр ожауы.

7. Обычно из двух рядом находящихся слов первое зависит от второго, и место первого сообщает ему ту или иную форму. Поэтому некоторые падежные приставки оказываются излишними, когда роль этих приставок заменена местом слова: *қымыз ішті, кітап оқыды, ат мінді, қазақ қызы, Ташкент кетті, тау асты.*

Стоит только нарушить непосредственное соседство этих бесприставочных слов с последующим управляющим словом, они вынуждены будут оформляться через соответствующие падежные приставки: *қымызды мана ішті, кітапты өзі оқыды, атты Мырқымбай мінді, қазақтың ерке қызы, Ташкентке кеше кетті, таудан әрең³ асты.*

8. Опускание падежных приставок допускается и при перечислении однородных членов предложения, вступивших в параллельное сочетание, причем общая приставка прибавляется только к последнему из них. *Ай мен күннің аманында. Балтабай, Қарпық, Маман, Салпықтардан үлгі алған...*

² Эта особенность определения с приставкой родительного падежа делает неудобным составлять новые слова (термины) с определением в родительном падеже, так как в случае, когда необходимо иметь новое определение (без приставки род. п.), это основное определение пришлось бы отодвинуть вперед (электрическая лампа – *электр шамы*; электрическая лампа с металлической нитью – *электрдің металл қылды шамы*). Если бы вместо электр шамы принять просто *электр шам*, такого затруднения не было бы, получилось бы *металл қылды*. Редкие слова, составленные из определения в род. пад. и определяемого с притяжательным суффиксом: *отағасы, қосағасы*, в сознании говорящего перестают казаться сложными. Говорят: *оның отағасысы* и *отағасыға, отағасыдан*.

³ Опускание приставки исходного падежа встречается очень редко. Глагол *ас* (переходить), может быть, единственный, допускающий такое *опускание* (*ел асып, жер асып, іздеп келіпті*). Эта приставка чаще всего опускается при отглагольных прилагательных на *-ған* перед наречием *соң* (*барған соң* вместо *барғаннан соң* и даже *барғасын*, но *барғаннан кейін*). Очевидно, имеется тенденция к образованию отглагольного наречия *барғасын, оқығасын, көргесін*.

9. В слитных предложениях с несколькими глагольными сказуемыми приставка сказуемости является также общей и прибавляется к последнему сказуемому, предыдущие же сказуемые остаются в форме деепричастия: *Мырқымбай таңнан тұрып, бекітіп жіберген атын ұстап әкеліп, суарып, жемдеп, қатынының төркіндеп әкелген арбасына жегіп алып, қалаға жүріп кетті.*

При перечислении однородных членов предложения допускается опускание и приставок словообразования: *«Жылқыны ақ қар, көк мұзда да қар төсеніп, мұз жастанып етегін төсек, жеңін жастық қылуға шыдаған жылқышы гана баға алады».* (Из Абая).

В художественных произведениях нередко опускают падежные приставки для усиления соответствующей части предложения, причем роль падежной приставки выполняется интонацией: *Еділдің бойы ен тоғай, ел қондырсам деп едім. Еңсесі биік ақ орда еріксіз кірсем деп едім. Қан сарқыты⁴ сары май еріксіз жесем деп едім.*

10. Причастие из *-ған* и *-тын* от глаголов пассивной формы (на *-л-*) теряет приставку пассивности при наличии предшествующего логического подлежащего (в родительном падеже), сохраняя значение пассивности, сообщаемое порядком слов: *сатылатын мал, тігілген үй, сойылған қой, но Мырқымбайдың сататын малы, Асанның жаз бойы тіккен үйі, Асан сойған қой.*

Форма родительного падежа в этом случае соответствует творительному падежу русского языка, управляемому глаголами страдательного залога. Но в казахском языке определяемое слово может быть образовано не только от прямого дополнения при глаголах действительного залога, но из всякого косвенного и обстоятельственного дополнений с обращением глаголов недействительного залога в форму причастия – определения: *Мырқымбайдың жүрген жері, отырған орны, үйленген кезі...* Это является большим удобством языка, предоставляющим выражать в сокращенном виде почти все придаточные предложения, которые в европейских языках формулируются как полные, соединяясь с главным предложением при помощи особых служебных слов.

Следует отметить, что приставка пассивной формы причастий *-л-* опускается очень часто и значение пассивности выражается только порядком слов. Причастие будущего времени вообще не имеет этой приставки, и оно без логического подлежащего обращается в пассивную форму лишь ввиду наличия соответствующего определяемого: *мінер ат, киер киім, барар жер, басар тау.*

То же наблюдается и в отношении причастий на *-ған* и *-тын*, правда, не всегда: *айтқан сөзге нанбайды, оқитын кітап табылмайды.* Приставка *-л-* здесь также заменяется наличием определяемого слова, а не логического подлежащего.

11. Подобно тому, как наличие следующего непосредственно имени существительного служит единственным формальным признаком, сообщаемым предыдущему слову значение имени прилагательного (*күміс қасық, қайын аға*, от *арба*), так и отсутствие определяемого слова превращает имя прилагательное, в том числе и отглагольное, в имя существительное со значением отсутствующего определяемого слова: *Тілегенің алдыңнан іздемей-ақ табылар.* При этом причастия

⁴ Здесь *сарқыт* – не остаток, а доля, порция, предназначенная для человека, который не смог воспользоваться ею.

без приставки пассивности (-л-) приобретают пассивное значение ввиду наличия логического подлежащего или же местоименной приставки, согласовывающей причастие с отсутствующим логическим подлежащим. Став именем существительным, причастие может склоняться как имя существительное, поэтому оно может служить не только определением, но и подлежащим, и дополнением: прямым, косвенным и обстоятельством. Это предоставляет [возможность] передавать в сокращенном виде придаточные предложения всех типов: *Молданың істегенін істеме, айтқанын істе. Ол қызды көрген де арманда, көрмеген де арманда. Мен көргенде, Абылай, тұрымтайдай ұл едің. Көп екен көргенімнен көрмегенім – көргенімнен көрмегенім көп екен.*

12. Полные придаточные предложения типа: *Түсі қандай болса, ісі де сондай. Ұяда не көрсең, ұшқанда соны аларсың. Егін қайда болса, береке сонда* обычно употребляются редко, и они неудобны для построения сложных переводов, к тому же все они с большим удобством могут быть сокращены с помощью причастий. К ним приходится прибегать в случае усиления соответствующей части предложения.

Более употребительны условные и уступительные придаточные предложения без относительных местоимений: *Ұсынсам қолым жетпейді, Өлсе өлгенін көреміз, тірі қалса өзін көреміз.*

Но эти придаточные предложения, как и все сокращенные придаточные, должны рассматриваться как простые члены предложения (в данном случае как условные обстоятельства).

13. Нередко употребляются сокращенные же придаточные предложения вопросительные местоимения и наречия, а сказуемое, обращенное в причастие с соответствующей падежной приставкой, служит дополнением главного предложения:

Не боларын білмейді, қайдан шығып, қайда барғанын сөйлейді. Қашан келгенінің керегі жоқ, қайдан келгенін айт. Не айтқанына түсіне алмады. Түсінген-түсінбегенін өзі де білмейді.

Такие придаточные предложения, будучи однородными (сочетаясь параллельно), обращаются в полные, подытоживаясь местоимением *осы, сол* или *бәрі* или *соның бәрі*:

Өлкеден келген өкіл аудандық орындардың істерін тексергенде: олар жұмысын қалай істеп жатыр; орталықтың сілтеген жолына түсінген бе; кезімен тындырып отырған да екен; кеңсешілдік, «күнде ертең», берекесіз бос сөз, сорлының сары уайымы, оппортунистшылдықтан аман ба екен; алдағы істердің жоспары қалай жасалған екен, – осының бәрін де қалдырмай тексерді.

14. Для усиления соответствующей части предложения иногда употребляются вопросительные же слова, но без значения вопроса: *Қай жеңгенің менікі. Кім көрінгенге телміреді. Бәйгіні қай озып келгені алады, қашан ержетіп қатарға қосылып алғанша көрмеген қорлығы болмады.*

В этих случаях вопросительные местоимения и наречия служат только для усиления, выполняя роль наречий *ең, әбден*, и могут быть опущены без особого ущерба для редакции.

15. Чужие слова, как полные (подлинные), так и сокращенные, служат придаточными дополнительными, управляемыми обычно глаголами *айт, сөйле*,

ойла и т. п., когда чужие слова представлены в сокращенном виде (*Мырқымбай өзінің ол жұмысын бір айдан қалдырмай бітіре алатынын айтты*), и глаголам *де*, когда чужое слово приведено в подлинной редакции (*Мырқымбай: «Ол жұмысты бір айдан қалдырмай бітіріп беремін», – деді*).

Во избежание смещения подлежащего главного предложения с частями чужого слова, отделяющего собою подлежащее от сказуемого *де*, обычный порядок построения таков: 1) подлежащее, 2) чужое слово и 3) сказуемое *де*; чужому слову может предшествовать предварительное сказуемое, выраженное глаголами *айт*, *ойла* и т. п., что, однако, не может заменить собою главного сказуемого, выраженного через *де*, заканчивающего все предложение (*Мырқымбай айтты: «Ол жұмысты бір айдан қалдырмай бітіріп беремін», -деді*).

Конечно, глагол *де* может служить и неглавным сказуемым, за ним могут следовать вспомогательные глаголы, основные сказуемые, ставящие глагол *де* в форме деепричастия или определяемого слова, обращающего его в причастие. Но чужое слово (подлинное) всегда остается под непосредственным управлением глагола *де* (*Мырқымбай: «Ол жұмысты... бітіремін», – деген сөзі...*).

Когда подлежащее чужого слова не совпадает с подлежащим главного предложения, глагол *де* управляет подлежащим чужого слова, обращая его в прямое дополнение: *Асан: «Мырқымбайды мұнда келген жоқ», – деді*. Но приставка винительного падежа при подлежащем чужого слова может быть и опущена, так что возможно и следующее сочетание: *Асан: «Мырқымбай мұнда келді», – деді*. Только в таких случаях требуется особая интонация, помогающая отличить подлежащее главного предложения от подлежащего чужого слова.

Подлежащее чужого слова может обойтись без приставки винительного падежа и без помощи особой интонации, если чужое слово начинается не с подлежащего: *Асан: «Мұнда Мырқымбай келді», – деді*. Зависимость подлежащего от глагола *де* – сказуемого главного предложения – характеризует особый вид сокращения – перередактирование чужого слова. Чужие же слова в подлинном виде не должны допускать такую зависимость отдельных членов от сказуемого главного предложения (*де*), управляющего не отдельными членами (подлежащими) чужого слова, а всем чужим словом. Такое перередактирование чужого слова с обращением его подлежащего в прямое дополнение объясняется тем, что в сознании говорящего глагол *де* носит значение «*считать*», «*называть*». Подобно тому, как: *Қоянның баласын көжек дейді*.

Служебные слова

16. Употребительнейшими из служебных слов являются: *мен*, *да*, *шейін*, *гөрі* и пр.

а) Из них *мен* имеет очень много значений: чаще всего оно употребляется в роли приставки инструментального падежа (*Ағашты балтамен шапты. Қалаға мен атпен бардым*), связывает два однородных подлежащих и два однородных дополнения (но не определения и сказуемое, за исключением случаев, когда они выражены родительным падежом, а сказуемое – именем существительным).

После отглагольных имен на *с* и *у* играет роль падежной приставки: *қалаға келісімен М -ге жолықты*.

–”– келуімен –”– После причастий на –ган в сопровождении союза да и без него мен соответствует русскому «хотя»: *оқыганмен адам болмады.*

б) Союз да употребляется в смысле русского «и», «хотя», «хотя и», «и даже» и просто «и», связывая в этом случае два однородных глагольных сказуемых или сопровождая все однородные члены частицей «уже», помещаясь в этом случае между основным сказуемым в форме деепричастия и следующим за ним вспомогательным глаголом:

Барса да таба алмады. Барып та ештеңе бітіре алған жоқ. Оған ұстара да өтпейді. А-дан Б-да жақсы. Барды да қайтты. Оқып та болды. Кетіп те қалды.

в) Шейін управляет дательным падежом. В сочетании с причастием на -ган, сократившись, он обратился в приставку ша: *Сен келгенге шейін – сен келгенше. Сен келгенше істеп бітірді.* Но совершенно иное значение имеет эта же приставка ша с теми же причастиями на -ган, когда управляющий глагол выражает пожелание: *Сен келгенше А. келсін де...*

г) Иногда, очевидно, вопросительная частица ша, сопровождающая глаголы условного наклонения и имени, соответствует русскому «а если» и вообще «а» с интонацией вопроса: *Келсе ше? Сен ше? А-ға ше?*

д) Особое значение имеет ша в роли падежной приставки⁵. *Өзгіше өкіреді. Бураша бұрқылдайды.*

Следует отметить, что еще дореволюционными переводчиками и малограмотными писарями было введено взамен этой приставки служебное слово *бойынша*, которое (*бой*) по полисемантизму может потягаться с любым полисемантическим словом, означая и рост, и длину, и высоту, долину и берега рек, оврагов, протяжение дороги, улицы, организм, мужественность, половую зрелость и пр. и пр., но ни одно из его значений не подходит к понятию «предписание», «положение», с каковым значением оно употреблялось царскими переводчиками в сочетаниях: «*Закун бойынша. Н-шіі статья бойынша*» и т. п. Объяснить значение *бой* каким-либо из десятков значений этого слова равносильно попытке разрешить квадратуру круга или найти *perpetuum mobile*. Ясно, что нельзя говорить ни о протяжении, ни о зрелости законодательных актов, положений, приказаний. А ларчик просто открывался: невежественный переводчик, плохо владевший русским языком, знал, что когда приходится говорить о движении по дороге, по улице, по реке, на казахском удобнее передать форму дательного падежа русского языка с предлогом «по» (на вопрос «где», но отнюдь не «как») словом *бой* со значением «протяжение»: *Жайық бойын жағаладым. Көше бойы шұбырған адам*, но не знал, что дательный падеж с тем же «по» в словах «по закону», «по-вашему» означает просто *законша, сіздіңше*, а если надо уточнить: *Законның ұйғаруынша, жолынша, бұйрығынша*, но только не *бойынша*.

Жаңа и *жаңада* значит «еще», «да еще», «к тому же». Слово очень удобное для связывания двух предложений. Употребление этого слова в значении союза «и» перед последним из однородных членов предложения - одно недоразумение:

⁵ Это -ша мы называем падежной приставкой потому, что она требуется соответствующим глаголом, кроме того, она не допускает после себя падежных или иных приставок словоизменения, за исключением ограниченного количества слов, вроде *қазақша, орысша*, которые только одни имеют значение основы: *А. орысшадан да қазақшаға тәуір. Қазақша сөзге түсінбейді.*

если в русском языке необходимо показать исчерпывание однородных членов предложения через союз «и» (например, «Я видел Иванова, Петрова и Сидорова»; здесь «и» показывает, что я видел только этих лиц и больше никого), то это еще не значит, что такой же пример необходим и в казахской речи. В казахском языке существует иной принцип передачи законченности или незаконченности перечисления.

е) Есть приставка *-лар*, редко употребляющаяся в качестве приставки множественности (*балалар/балдар*), в случае *балдар* эта *-лар* слита с основой, образуя с последней новое слово. Кстати, это также подтверждает наше приводимое ниже мнение о том, что *-лар* не приставка, а служебное слово, принимающее значение падежной приставки, общее для однородных членов предложения (*оқыңдар, жазыңдар, жазасыңдар*, где *лар* действительно служит приставкой множественности для глаголов 2-го лица), она очень часто выступает в роли служебной частицы, означающей «и т. д.», «и т. п.», «и другие». Так, во фразе: *Мырқымбайлар келе жатыр* слово *Мырқымбайлар* значит *Мырқымбай* и др. В предложении *Әкемдер үйде жоқ, әжемдер желі басында* эта *-лар* прилагается к слову не в обычном порядке (по примеру *әкелерім, әжелерім*, но не *баламдар, жылқымдар*), следовательно ожидать *әкелерім, әжелерім*, но в данном случае местоименный суффикс *-м* не может быть общим для *-лар* (и др.) и поэтому допущен порядок сочетания, чем подтверждается значение *-лар* в роли служебной частицы «и другие». Обычно частица *-лар* прилагается к последнему из однородных членов с тем же значением «и др.», показывая собою незаконченность перечисления: *Мәскеу, Ленинградтарда болдым* (Я был в Москве, Ленинграде и других подобных им городах); *Мәскеу, Ленинградта болдым* (Я был в Москве и Ленинграде), перечисление закончено, о чем говорит не присутствие «и», а отсутствие *-лар*⁶.

ж) *Тағы басқалар, тағысын тағы, тағы со сықылды* так же неуместны, как и *жана*, в значении русского «и» ввиду всего сказанного о *-лар*.

з) Яки при наличии *жа, немесе, әйтпесе* напоминает перевод времен царских чиновников и мулл.

и) То же *яғни-жағыни*, которое будто изживается.

к) *Арқылы* имеет такое же происхождение, что и *жаңа, бойынша*. Неграмотный переводчик перевел русское «через реку» татарским *арқалый*, безграмотно переделав последнее на казахский лад – *арқалы, арқылы, артқылы*. Упрекать невежественного переводчика в неумении пользоваться падежными приставками казахского языка незачем, да и какое мы имеем право требовать от него знания того, что по-казахски: *Өзеннен өтеді, жолды кесіп өтеді, етікті етікішіге тіктіреді* (но не *етікші арқылы тігеді*), *пәлендей пәледен Мырқымбайдың арқасында құтылды*. Но нельзя не возмущаться беспомощностью современных

⁶ По нашему мнению, нет никакой надобности в особом служебном слове со всеми значениями русского «и», *жаңа* меньше всего подходит для этого, если даже допустить противное. В последнем случае (по-нашему, заведомо неверном) для перевода русского «и» было бы целесообразнее восстановить *эм* или же принять русское «и», употребляемое в нашем интеллигентном жаргоне «*Бардым и алдым*», «*Гастрономнан ем и арақ алдым*». Дело в том, что употребление существующего слова в определенном значении, в значении, ему не свойственном, не должно быть терпимо; разумнее вводить новое слово, не допускающее путаницы.

писателей, переводчиков, не отказавшихся до сего времени от такого позорного наследия.

л) К служебным же словам следует отнести *ұлы* (сын), еще не ставшее приставкой, но, как всякое словосочетание, вместе с предыдущим собственным именем в родительном падеже получившее определенный формальный признак, характерный для имен прилагательных. Ясно, что в *Асан ұлы Мырқымбай Асан ұлы* – определение с вопросом *қай?*, а в *Мырқымбай Асан ұлы* оно сказуемое. Ясно также, что *Асан ұлы* как прилагательное может служить только определением для следующего слова с именным значением и только сказуемым, если после него нет такого слова, и в *Асан ұлы жолдас* слово *жолдас* не может быть понятно иначе, как определяемое слово и в данном случае только как собственное имя.

Поэтому во всех случаях, когда писателю не известно имя лица, которое он может назвать не иначе, как только по фамилии, лучше всего писать фамилию с русским суффиксом «-ов» – Асанов. В случае же, когда известно имя, сочетание должно быть только в порядке *Асан ұлы Мырқымбай*.

м) «*Күрес*», правда, не служебное слово, но и не полисеманлично, оно в живой речи имеет единственное значение борьбы цирковых борцов, т. е. чисто физического состязания в узком смысле: татарская борьба, узбекская борьба, фигурально и французская борьба и вообще, цирковая борьба. Значение этого слова настолько точно и присвоение ему иного какого-либо значения нетерпимо, что оно не допускается и для обозначения киргизской борьбы, что в языке цирковых артистов значит такой вид цирковой борьбы, когда борющиеся перетягивают друг друга на аркане, надетом на шею. Ясно, что это слово отнюдь не может передавать значения русского слова «борьба» в смысле «классовая борьба», «борьба с вредителями», тем более «борьба с вредителями сельского хозяйства». Существующий в самом языке полисемантизм регулируется формами словосочетания. Создавать полисемантизм в отношении слов с определенным и точным значением можно лишь путем одновременного создания новых форм словосочетаний. Многозначность того или иного русского слова вовсе не должна создавать такую же многозначность одного из значений этого слова в казахском языке. Если допустить, что наши писатели до того беспомощны, что не могут пользоваться словами *талас, тартыс, қыру, құрту, арпалысу* и т. д., каждое из коих передает то или иное значение русской «борьбы», надо ввести в казахский язык слово «борьба» в том же полисемантическом виде, в каком оно употребляется в русском языке, но ни в коем случае не создавать путаницу, придавая слову с точным и определенным значением не свойственное ему значение.

н) То же надо сказать и об *ұйымдастыру*. Слово, подходящее для перевода русского «организовать», когда нужно говорить о создании какой-либо общественной организации, но не подходящее, когда говорится об организации труда, работы, какого-либо предприятия.

Если допустить, что мы не можем умело пользоваться нашими словами *құру, басын құрау, жасау, салу* и т. д., необходимо принять в казахский язык и это русское слово со всеми его значениями. Только не искажать точного значения имеющегося в языке слова *ұйымдастыру*.

о) То же надо говорить и о *байланыс*, что означает «связывать», «приставать», но означает не «причинную связь» и не ту «связь», которая

поддерживается путем постоянной переписки между товарищами, организациями, учреждениями. Для этого существуют у нас слова: *хабарлас, астас, ұштас, сабақтас* и т. п., которыми мы, очевидно, также не умеем пользоваться. В последнем случае необходимо принять и это русское слово «связь», сохранив все его значения.

п) Слова *жоғары, төмен* имеют определенное и точное значение «высокий» и «низкий» и фигурально – «высший» и «низший», носят в себе понятия только пространственные, но не во времени. Поэтому эти слова (*жоғарыда айтылды, төменде айтылды*) не могут быть поняты казахом как «наверху» и «внизу», что, может быть, и уместно, если речь идет о словах, имевших место где-то наверху, хотя бы в верхнем этаже, или, наоборот, сказанных именно внизу, в подвальном помещении. Но отнюдь не «выше» и «ниже», означающих место текста; эти слова можно перевести со всей точностью в этом значении: *алгіде, мана, жаңа, кітаптың бас жағында, сөзімнің басында; енді, кейін, соңыра, кітаптың аяқ (кейінгі) жағында*.

Надо полагать, что как бы ни был скуден язык наших писателей-переводчиков, эти-то слова знакомы им всем и не нужно никакого таланта, чтобы пользоваться ими умело. Не нужно ни творчества, ни изобретательности (чего мы можем требовать и ожидать от всех и каждого, только не от «профессионала» – писателя), стоит только чуточку избавиться от косности и консерватизма мысли, и не будет никакой надобности вводить в казахский эти русские слова (выше и ниже).

р) Слово *жүреді* означает «хождение», «движение» в пространстве, «пребывать», «находиться», как вспомогательный глагол оно сообщает основному глаголу значение настоящего времени и продолжительность действия. В качестве сказуемого при подлежащем *билігі* (его власть) означает «распространяться», «действовать».

Слово *жүреді* в живой речи полисемантическое. Но ни одно из его многих значений не соответствует русским «ведется», «производится», когда говорят о ведении протокола, дела, какой-либо работы, «производить чистку». Дело в том, что по-казахски: *істі істейді*, протоколды *жазады, жасайды; мекеме, дүкендерді сұм-сұрқия, бұзықтардан тазартады, ашады*. Но всякое *жүреді, жүргізеді* для казаха так же дико, как если бы по-русски говорили «дело ходит».

с) Глагол *бер* имеет значение «давать» в узком смысле, в качестве вспомогательного глагола при основном глаголе в форме деепричастия настоящего времени соответствует русскому «продолжать» *жаза берді* (продолжать писать); когда же основной глагол действительного и понудительного залога имеет форму деепричастия прошедшего времени, он показывает, что действие произведено для кого-либо другого: *жазып берді, түсіндіріп берді*. Но «данное дело», «данный предмет» не могут значить по-казахски: *берілген іс, берілген нәрсе*, а просто *бұл іс, бұл нәрсе*. То же «данные задачи» не могут быть *берілген, а мәлім* или *белгілі*.

Так же как *тазарту, жүргізу, түсінік беру* вместо понятного для массы *түсіндіру* не может иметь иной цели, как только путать читателя.

т) Приставка *-лы* превращает имя существительное в прилагательное; в отдельных случаях прибавляется и к прилагательному, сообщая ему особые в каждом случае значения: *алалы жылқы, ақтылы қой; ұзынды-қысқалы; ақты-*

көкті, ірілі-уақты. Но прилагательное *керек* может служить определением для всякого существительного, хотя бы и для *адам*: *қымбат адам, керек адам*. Приставки *-лы* (ты) для них совершенно излишни. *Қымбатты адам, керекті адам* только искажает эти слова и путает.

у) Числительные служат определением следующего слова; *16-шы октябрь* не может быть понято иначе, как только «16-е октября», а «9-е января», «8-е марта», где определением служат «январь», «март», по-казахски должны следовать только в таком порядке: *ғынауардын 9-ы, марттың сегізі* и т. п. или полнее: *ғынауардын 9 жаңасы, марттың 8-нші күні*.

Невежественный переводчик понял взаимоотношение слов в сочетании «9-е января» неправильно; был введен в заблуждение формой родительного падежа «9-го января», в которой он усмотрел в согласовании слов «9-го» со словом «января» именительный падеж, «9-е (число) января» он понял как «9-й январь» и перевел на казахский язык *9-ншы ғынауар*. Неудобно оспаривать право царского чиновника на невежество, но он так злоупотребил этим правом, что плоды его «творчества» ощущаются в нашей литературе до сих пор.

ф) К несчастью, он оставил нам в наследство не только свои изобретения, но и методы, предоставляющие свободно путать словоупотребление. И наши писатели-переводчики с успехом пользуются этим методом: *Әдіспен пайдаланады, Н. туралы ойлайды, сөйлейді. Н. туралы мәселе, Н. туралы іс*. Между тем для *пайдаланады* нужна форма винительного падежа, как и для *ойлайды, сөйлейді* (без какого-либо *туралы*), а глаголы страдательного залога не требуют формы творительного падежа, а сам глагол остается без приставки пассивности, так что получается *комиссариаттың көрсеткен тәртібі* и *Н.-нің ісі, Н.-нің мәселесі* (вопрос или дело о Н.) без какого-либо *туралы*.

х) *Тұрады* значит «стоит», «встанет», «живет», служит вспомогательным глаголом, но не имеет значения «состоит». Поэтому *электр шам жіңішке сымнан тұрады* звучит так же странно, как «электрическая лампа стоит на тонкой проволоке». *Электр шамның жіңішке сымы болады*.

ц) Приставка *-рақ* служит для ослабления качества: *ұзынырақ* – длинноватый, чуть длиннее (не короткий)...

